

Суринам

Автор:

Олег Радзинский

Суринам

Олег Эдвардович Радзинский

Герой романа “Суринам” Илья Кессаль, советский эмигрант, живет в Нью-Йорке и собирается стать инвестиционным банкиром. Жизнь Ильи неожиданно меняется, когда его возлюбленная Адри приглашает Илью посетить своих родных в Южной Америке. Выясняется, что не только приезд Ильи в Суринам, но и вся жизнь были predetermined и подчинены Плану, которому служат окружающие его люди. После загадочного обряда в джунглях Илье открывают главную тайну всех религий: как человеку стать Богом. В буквальном смысле. Выбор за ним.

Олег Радзинский

Суринам

© О. Радзинский, 2008, 2018

© Philippe Grollier/Temps Machine, фотография автора на обложке

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© ООО “Издательство АСТ”, 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

КБ, которая учила меня не бояться

Что там, за занавесью тьмы?

Омар Хайям

Нью-Йорк 1

Отель, куда они ездили ту зиму, был вовсе не отель, а дешевый мотель; им владела толстая индианка. Мотель был недалеко от дома его женщины, но об этом оба старались не думать.

Когда они приехали первый раз – шел дождь, и небо пыталось сесть на деревья пониже.

Илья заполнил регистрационные формы на мистера и миссис Джоунз. Номер машины он также записал неправильно, но не потому, что хотел обмануть, а просто не помнил. Выходить же под дождь и смотреть было глупо. “Впрочем, – решил тогда Илья, – у мистера и миссис Джоунз мог быть именно такой номер”. Он был прав: от мистера и миссис Джоунз можно было ожидать чего угодно.

С той поры они обжили все комнаты в мотеле – все девять. Их любимой стала шестая. От других она не отличалась ничем, кроме номера.

Комнаты были обшиты сосновыми досками, и это, как все деревянное, напоминало Россию. Окна, выходившие на дорогу, были закрыты тяжелыми шторами, и потому темнота наступала, как только закроешь дверь. Темнота казалась коричневатой из-за досок и раздвигала стены в невидимый простор.

В комнате всегда стояла ночь, и это было важно: других ночей у них не было. Все их ночи случались днем, раз в неделю, и длились четыре часа оплаченного гостиничного времени. Short-rest stay – это было название их любви. Это было название светившейся деревом темноты и скользящих по телу губ. А мимо – по дороге на Филадельфию – спешили машины, проникая в их украденную сосновую ночь шелестом шин и общим безразличием дня.

Перед тем как расстаться – до следующей недели, – женщина плакала. Потом она уходила в ванную и долго, старательно красилась. Илья молчал и ждал, пока они выйдут из номера, оставив позади свою любовь, шепот незначащих слов и память тел о недавней близости. Ключ они клали на телевизор: за номер Илья платил заранее.

Прощание на станции было коротким: их могли увидеть ее знакомые. Илья садился в электричку и ехал обратно в Нью-Йорк, в другую жизнь – домой. А женщина возвращалась в свою жизнь, где ему не было места.

И снова начинало тянуться их параллельное существование – до следующей недели. В этой, отдельной от нее жизни, были другие женщины, появлявшиеся на ночь, на две, редко дольше. Илья говорил им те же слова, что и ей, только по-английски.

Однажды – еще до того четверга – Илья рассказал Антону о странной несвязности, отдельности своих существований: словно он живет много жизней за много разных людей. Некоторые жизни жились линейно, одна за другой, но такие разные, такие не имеющие отношения друг к другу, что порой Илье не верилось, будто это происходит с ним одним. Другие жизни жились параллельно, словно в смежных пространствах, и он переходил из одной реальности в другую, сосуществуя в разных своих проживаниях. Антон, живший связно и последовательно, логично живший, советовал Илье подумать, для чего это дано.

– Все – урок, – говорил Антон; это был период его увлечения каббалой. – События важны не сами по себе, а для осознания урока: что нам пытаются сказать, чему научить.

Отец Антона был известный гурджиевец, еще с Москвы. По четвергам в их квартире в Граммерси Парк собиралась двуязычная эзотерически настроенная толпа, и люди яростно спорили о давно ненужных вещах.

Антон – младший сын – сидел молча и слушал. Семья не считала Антона умным ребенком. Умным, гениальным даже, слыл его брат, которого Илья никогда не видел. Антон в семье считался красивым, и им был.

Про брата в их доме не говорили, и Илья узнал о нем не сразу. Как-то Антон сказал, что последние три года они жили в одной комнате и молчали. Брат перестал разговаривать, не отвечал, когда к нему обращались, и Антон прекратил попытки пробиться в это отдельное существование; он тоже замолчал. Больше всего, сказал Антон, ему хотелось знать, молчат они об одном и том же или о разных вещах.

Потом брат ушел.

Родители пытались его отыскать, но постепенно смирились с его отсутствием, как Антон когда-то смирился с тишиной в делимом ими пространстве. Позже выяснилось, что брат уехал; куда, не знал никто. В никуда.

– И что, он так ничего и не сказал за три года? – не мог поверить Илья. – Ни слова?

– Ни слова, – подтверждал Антон. – По крайней мере, со мной. Последний год он даже из квартиры не выходил. Сначала читал, а потом и читать перестал. Лежал и молчал. Ел раз в сутки, ночью, когда все спали. Я сначала подсматривал, а потом перестал: ну ест и ест.

Илья любил представлять этого брата: как тот лежал целыми днями и думал о тайных вещах.

Как ждал, когда все уйдут из дома смешиваться с новым ритмом вещей, вдыхать влажный воздух неродины и совершаться, реализовываться в чужой повседневности.

“Что он узнал такое, что сделало слова ненужными, нежелательными, дало возможность от всего отказаться?” – хотел понять Илья. Он видел это знание как темную вязкую живую массу внутри брата – тот был без имени, абстрактная отдельность от мира, что требует все назвать.

Илья вспомнил, как в Лефортовской тюрьме он однажды делил камеру с таким молчуном. Там еще была третья шконка – напротив двери, но она стояла пустая, и свет от лампочки под потолком тускло прятался в неровностях сварных швов ее безматрасной голизны.

Антон соглашался, что брат мог узнать, познать, понять нечто за пределами ежедневного смысла, и это отделило его ото всех.

– Он же гений, – объяснял Антон. – И раньше таким был. Только разговаривал.

О брате Антон всегда говорил по-русски: тот был частью детства, все еще продолжавшегося там, в другой, далекой стране, в другой реальности-нереальности, где когда-то были дача и бабушка.

– Кошка рожала каждое лето, – рассказывал Антон (уже по-английски). – Притом неясно от кого: на соседних дачах котов не было.

У него и теперь жила кошка, делившая его квартиру – узкий пенал студии на Ист 11-й Стрит – с ним и навещавшими его женщинами. Целый день кошка сидела на подоконнике в мутном окне четвертого этажа и смотрела на жизнь.

Дом был без лифта, и лестница пахла всеми квартирами сразу.

Напротив Антона жил сумасшедший старик-поляк; когда к Антону приходили гости, он открывал дверь и мочился наружу. Ночью дед ходил по этажам и разговаривал с призраками, населявшими его одиночество. Призраки сидели на перилах, матово светились и скучали. Старик им надоел, и они ждали, когда он умрет.

Все началось в тот четверг.

Илья жил в Нью-Йорке и пробовал побороть страх, едкий, как запах болезни: а что, если внешний, видимый мир – это всё, и нет никакого иного, потаенного смысла за его материальной очевидностью. Верить в такое было невозможно, стыдно даже; где-то, сокрытое ото всех, пряталось тайное, конечное знание, которое нужно обнаружить и заслужить.

Был апрель, Илья точно помнил, что апрель, но не помнил, почему это так важно. Манхэттен цвел тополями, и швейцары на Парк Авеню грелись на неожиданном солнце перед подъездами, прятавшими богатых от остальных. На улицах и в парках снова поселились бездомные. В городе стало больше света, длинноногих женщин и крыс.

В тот вечер Илья опоздал: он никак не мог закончить отчет о дневной динамике между иеной и долларом, а его полагалось закончить до семи вечера. В семь по Нью-Йорку открывалась токийская биржа, и трейдеры должны были сформировать взгляд на валютный рынок. На Уолл Стрит это называлось currency view. Илья отвечал за currency view. Обычно он заканчивал к шести и отправлял написанное – три страницы графиков и мнений – в торговый зал. Потом он отвечал на звонки трейдеров, которые требовали объяснений и задавали вопросы. Он знал их только по голосам и никогда не видел. Они жили в телефонной трубке, и Илью это устраивало. Он придумывал им жизни и не верил, что их реальность окажется интереснее его выдумок.

Но сегодня был четверг, и Илья опаздывал в другую реальность – свою собственную. Каждый четверг после работы он приходил в большую бестолковую квартиру родителей Антона, где говорили о неведомом и важном. Из окон их гостиной был виден прямоугольник Граммерси Парк.

Граммерси Парк не был парком. Это был маленький сквер с детской горкой и качелями. Названия не соответствовали сути вещей. Особенно на Центральном Манхэттене.

В тот четверг собралось до странного мало народу. Обычно приходило человек тридцать, часто больше, но в тот самый четверг людей в пустоватой гостиной

Бреславских было много меньше, чем всегда. Илья пришел последним – время уже лениво двигалось между восемью и следующим часом. Этот отрезок вечера всегда казался Илье самым медленным.

Спор шел об ангелах. Ангелы как посредники между богом и людьми – зачем? Ави, бруклинский каббалист, много лет живший в Верхней Галилее, к северу от долины Бет-Керем, ерзал верхом на стуле и кричал. Его черноглазая жена, привезенная из Израиля как трофей, сидела рядом, держа мужа за руку, и смотрела на Антона: она спала с ним последние несколько месяцев, по вторникам. Антону нравилось, что она всегда приносит что-нибудь вкусное для кошки.

– Понятно, откуда ангелы. – Ави проглатывал звуки, так что у него получалось “агелы”. Когда речь шла об особенно важном, Ави проглатывал целые слова. – Талмуд ясно говорит, – кричал Ави, – ясно: “Ангелы пришли из Вавилона”. До Первого Вавилонского пленения ангелов в иудаизме вообще не было. Ангелы – просто посланники, потому что он не хотел больше с людьми. Вот что важно: почему бог покинул людей. Он ушел и оставил вместо себя книгу, которую нужно разгадать. Тора – это загадка: где бог? Как призвать обратно? Как сделать, чтобы он к нам вернулся?

Мать Антона меняла пепельницы и предлагала гостям травяной чай. Она оставалась красивой без всяких усилий, и каждый раз, когда они встречались глазами, Илья сознавал, что ей известны его мысли о ней. Это было стыдно, но не очень.

– Ави, – сказал Антон, – чтобы он вернулся, надо понять, почему он ушел.

Антон сидел на полу: ноги скрещены, прямая спина. Он мог сидеть так часами – не уставая, не двигаясь. Ему хватало движений на работе: Антон преподавал каратэ в маленьком гимнастическом зале на Бауэри, ближе к полуночи превращавшемся в танцклуб. Хозяин клуба, Лэнни, пожилой танцовщик с синими волосами, безуспешно пытался его соблазнить обещаниями новых ощущений. Антон улыбался и говорил, что подумает. Он не хотел обижать Лэнни. Он просто не верил, что ощущения будут такими уж новыми.

– Я знаю, почему он ушел. – Ави порывался встать, но жена держала его за руку: она знала, что стоя Ави начнет кричать еще громче. – Когда я учился в ешиве,

нам рассказывали про Тамид: древние евреи дважды в день сжигали ягнят, утром и вечером. Это, собственно, и была основа их отношений с богом. Они сжигали ягнят, и бог питался дымом, воскурениями. Они кормили бога, и он защищал Израиль. Понимаете? Это и был договор между богом и евреями.

Илья был единственный, кто кивнул. Все остальные то ли не слушали, то ли не понимали. Хотя что тут было не понимать.

– И?.. – Илье хотелось поддержать Ави. – Что произошло?

– После первого разрушения Храма Тамид прервался. – Ави наконец прекратил попытки встать и послушно уселся рядом с женой. – Жрецов-левитов угнали в Вавилон, и некому стало кормить бога. Да и негде. Вся избранность евреев, собственно, и заключалась в этом обряде. А они перестали. И бог нас покинул.

– Да, – вздохнул отец Антона. – Теперь он ест где-то еще.

Они выдерживали принятый у Бреславских тон дискуссии: без пафоса и мистицизма. Здесь приветствовались лишь новые факты либо новые интерпретации уже известного. Считалось, что самое простое – часто самое верное. Парадоксальные вещи должны были произноситься обыденным тоном и несложными словами. Все, кто сюда приходил, уже прошли путь блуждающих в тайном знании и больше не верили в неясные объяснения мира. Тайна должна быть простой: бог нас покинул, потому что мы его не кормили.

Илья работал аналитиком на Уолл Стрит и знал, что анализ строится на исключении всех возможностей, кроме одной – верной. Он предсказывал будущее каждый день. Для этого нужно было рассмотреть и исключить все, что могло противоречить единственно возможной версии событий. Он решил начать с главного утверждения Ави и подвергнуть его сомнению.

– Почему же бог нас покинул? – спросил Илья. – Он продолжает себя проявлять. Надо только уметь читать знаки.

– Именно, – обрадовался Ави. – Теперь он себя проявляет, а раньше являл. И не только евреям. Всем. Почитай любые мифы: он или, скорее, они физически были с людьми. Учили, наказывали. Взаимодействовали. А потом пропали. Ушли.

– А Христос? – Илья пытался вспомнить другие свидетельства физической манифестации бога. Он просто решил начать с наиболее известной. – Бог явился как Христос.

– Вы действительно верите в эту историю? – Человек – он раньше молчал, сидя в углу, задвинутый столом, – был очень высок и как-то странно, неожиданно лыс. – Во что вы там верите?

Илье нравился Христос. Он не верил в него как в Сына Бога; Христос ему нравился как литературный персонаж. Илья вырос в литературной московской семье, и все его детство прошло в разговорах о литературе. К родителям приходили друзья, они говорили о книгах и тех, кто их написал. Больше они ни о чем не говорили. Илье казалось, что они все заблудились в литературе.

– Я верю, что Иисус был Христос, Мессия, Божий посланник, – сказал Илья. Он в это не верил, но ему нужно было выстроить аргументацию. Ему сразу не понравился этот высокий. Тот смотрел на Илью и отчего-то радостно сглатывал. – И не только посланник: он сам был божественен, что доказало его воскрешение. Стало быть, бог продолжал нам являться.

– Замечательно, – обрадовался высокий, – вы совершенно правы. Христианство как религия действительно организовано вокруг этих двух утверждений: Иисус был Христос, и он был распят, но воскрес. Все остальное – биография, а не догматы веры. Его слово божественно, потому что он был помазан как Мессия. Он сам божественен, потому что был распят, но воскрес. Соответственно, чтобы доказать или опровергнуть эти утверждения, мы должны сконцентрироваться на трех эпизодах: Помазание, Распятие и Воскрешение. Правильно?

Илья кивнул. С этим было трудно спорить.

– Вот и хорошо, – непонятно чему обрадовался высокий. – Правильно. – Ему нравилось это слово. – К сожалению, у нас нет других свидетельств об этих событиях, кроме Евангелия. Одного этого уже достаточно, чтобы подвергнуть сомнению утверждения христианства, поскольку у нас нет независимых свидетельств. Это я говорю как юрист, – пояснил высокий. – Но я готов работать с тем, что есть.

Он обернулся к матери Антона и попросил принести Новый Завет. Та скоро вернулась с книгой. Она называла высокого Роланд. Теперь у него было имя. Но от этого он не стал нравиться Илье больше.

– Смотрим... смотрим... – Роланд искал нужные страницы. – Ага, здесь. – Илья заметил, что Роланд не глядит в текст, а просто держит книгу раскрытой на нужном месте. – Начнем с помазания. Матфей и Марк указывают дом Симона Прокаженного в Вифании как место помазания, а Иоанн, например, – Роланд перелистнул страницы, быстро найдя нужное место, – Иоанн утверждает, что это случилось в том же городе, но в доме Лазаря и его сестер Марии и Марфы. Так, что говорит об этом Лука? Смотрите, он соглашается, что помазание произошло в доме Симона, но не Прокаженного, а Симона Фарисея, и притом в совершенно другом месте: в галилейском городе Наин, а не в иудейской Вифании. То есть не только в другом городе, но и в другой провинции. Неясно, где же все-таки Иисус был помазан как Христос.

– Да что Лука? – вмешался Ави. – Лука вообще грек; что он знал? И писал он через семьдесят лет после событий.

– Действительно, – сказал Роланд, – что он знал? Но где было помазание – это не главное. Главное – кто помазал. Кто имел полномочия объявить неизвестного галилейского пророка Мессией? Согласитесь, – Илья не хотел соглашаться, но промолчал, – что уж в этом должна быть совершенная ясность. Важнейший вопрос. Смотрим. – Он быстро пролистнул ненужное, неважное и нашел, что искал. – Вот, Иоанн – единственный, кто называет имя женщины – Мария, сестра Лазаря. – Больше Роланд не листал Евангелие и говорил по памяти. – У Матфея и Марка она безымянна – просто женщина. А Лука, например, считает ее городской блудницей. Безымянной городской блудницей.

– Интересно, – Ави снова попытался вскочить с места, – если она была городская проститутка, то как попала в дом фарисея? Он же пишет, что помазание произошло в доме Симона Фарисея, а фарисеи в то время были самой благочестивой частью населения. Одно слово: грек!

– Грек, – согласился Роланд. – Я, кстати, ничего обидного в этом не вижу, – добавил он примирительным тоном, – мой дядя был грек.

Выходило, что дядя был грек сам по себе, без всякой связи с остальными родными Роланда. Илья решил не спрашивать: ему было достаточно Иисуса.

– Не важно, что грек, – подтвердил Ави. – Просто что он мог знать о еврейской жизни?

– Именно. – Роланд посмотрел на Илью и снова сглотнул. – Странная история, согласитесь. Где помазан – неясно. Кем – неизвестно. Если виновен в нарушении еврейского закона и осужден евреями, то почему распят римлянами как государственный преступник?

Он замолчал и, казалось, был теперь далеко – вне беседы, вне комнаты, вне людей.

Где-то, где не было гудящих желтых такси за стеклом.

В гостиной томилось напряжение, словно пришло время открыть окна или заговорить о другом.

Но Илья не мог не спросить. Он хотел знать до конца и решил спросить. Ему это было действительно важно.

– А воскрешение? Какие там разногласия?

– Ну... – Роланд мелко засмеялся, словно рассыпали что-то дробное. – Там уже не до текстовых неточностей. Там посерьезнее. Он воскрес, но последние две тысячи лет его никто не видел. Он живет только в душах верующих. Знаете, – перестал он смеяться, – пойдите попробуйте заглянуть, что там у каждого верующего в душе.

Когда все расходились – городские фонари расплывались пятнами нечистого света, и ночной город дышал медленнее, но глубже, – Илья очутился у выхода рядом с Роландом.

Тот посмотрел на Илью и сказал без улыбки:

– Странная история, согласитесь: в начале времен боги были с нами. И вдруг пропали. Оставили после себя мифы, книги, написанные о них людьми, непонятные законы, ненужную мораль. Почему?

Илья не ответил: он не знал.

Роланд вздохнул и сказал куда-то в сторону:

– Нет, Ави прав: бог ушел. Или умер.

Нью-Йорк 3

Негр за окном все время оглядывался: не идет ли полиция? Он дорожил этим местом на 14-й Стрит: людная торговая улица, рядом с выходом из метро, прямо перед кафе. Полицейские обычно появлялись со стороны 6-й Авеню и медленно шли в сторону 7-й, в его сторону, проверяя лицензии у стоящих вдоль тротуара уличных торговцев. Это давало время собрать с прилавка – перевернутого пластикового ящика из-под пепси – часы, браслеты и прочий товар и спрятаться в табачном магазине рядом с кафе, притворившись одним из покупателей (он платил за это пятьдесят долларов в месяц хозяину магазина, грустному арабу из Йемена).

Негр был из Мали; стройный, высокий, похожий на статуэтку из темного лакированного дерева. Он вырос среди болот дельты Нигера, на малярийной земле племени фулани, и его мать была одной из них. По отцу, однако, он был туарег, из того же берберского рода, что и святой Августин. Негр никогда не слышал про Августина; он не читал *De Civitate Dei*, но не сомневался в благости Бога. Негр продавал ворованные часы и не хотел неприятностей.

Его дед по материнской линии был колдун и умел летать.

Илья смотрел сквозь мутное стекло, как негр озирается в поисках беды, и слушал Антона. Антон ел омлет “Бенедикт”; кофе у обоих давно остыл, но официант делал вид, что не замечает их знаков.

Они не встречались больше трех месяцев. Лето прошло для них порознь: Антон был занят чем-то, что хранил про себя, а потом Илья уехал с Адри в Европу. Они жили в ее большом пустом доме на озере Амстелфейн, поздно вставали и ехали в Амстердам на трамвае.

Однажды вечером, почти без вещей, они прошли весь Дамрак пешком, вышли к Station-plein и сели в Парижский экспресс.

Они ехали сквозь незнакомые земли за окном, пока на заре следующего дня Gare du Nord не встретил их утренними французскими голосами – как шампанское, что простояло открытым до утра. Они вышли в Париж и были счастливы еще десять дней.

Впрочем, счастливы они были дольше – с весны. Был весенний семестр; для Ильи – последний в Колумбийском университете, а потом степень магистра и иная, еще одна жизнь.

Он увидел ее на лекции профессора Корнблуха; тот читал курс по политэкономии. Один теоретический курс по экономике был обязателен для тех, кто занимался финансами, и Илья решил, что политэкономия наиболее безобидна. Он ошибся: Корнблух, молодой и радостный дурак, раздражал Илью своим восторженным марксизмом. Илья ничего не имел против марксизма, даже после тюрьмы; он просто не любил восторженности.

Он заметил ее сразу: креолка, яркая бабочка, в черной мужской рубашке с закатанными рукавами, которая была ей велика. Правда, ей было велико почти все. Потом Илья узнал, что она любит одежду других: она часто надевала вещи Ильи, если просыпалась у него дома. Странно, но одежда, как бы велика ни была, сидела на ней хорошо, не скрывая линий тела: Адри двигалась, и одежда двигалась вместе с ней, облекая грудь, бедра, соскальзывая с узких плеч и открывая ложбинки у ключиц. Илья любил целовать эти ложбинки, словно там была вода и он ее пил. Никогда – а Илья знал многих – он не видел женщины, что так мало заботилась о своей внешности и была так желанна. Иногда она надевала его брюки, высоко подворачивая штанины и оголяя тонкие – как у олененка – щиколотки. Брюки не хотели держаться и сползали. Ремень Ильи был ей слишком широк, и Адри, вместо того чтобы его застегивать, подвязывала брюки ремнем на поясе, как веревкой. Пряжка болталась и смешно била ее по бедрам. Она ходила босиком по его квартире и пела испанские песни о чужом.

В тот, первый день она сидела впереди, рядов за десять от Ильи, и он мог видеть только крупные кольца ее бесконечных кудрей и ореховую кожу щеки. Но он знал, что она его заметила, и между ними протянулась нить, дрожащая проволока интереса. Им не нужно было встречаться глазами – это для тех, кто не уверен, кому нужно подтверждение: да, и я тоже. Им же было достаточно попадать в периферийное зрение друг друга, и это было как разговор: я здесь, с тобой. Он еще не видел ее лица, но знал, что любит.

После лекции Илья долго собирал книги, чтобы дать ей время уйти. Он боялся. Илья хотел унести с собой ощущение холодной дрожи внизу живота, что не отпускало его теперь, и жить с ним весь день. Это он не собирался делить ни с кем, даже с ней.

Адри ждала его за дверью аудитории. Она ничего не сказала, не улыбнулась – это было бы приглашением к разговору, а просто пошла рядом. Они шли молча, не глядя друг на друга, и это молчание не тяготило: молчание было с ними заодно. Они прошли первый этаж Института международных отношений (во всех лифтах он почему-то был указан как четвертый) и очутились на юридическом факультете, находившемся в том же здании. Здесь был выход на 116-ю Стрит, угол Амстердам Авеню.

Адри остановилась, и они – первый раз – посмотрели друг на друга. Она была чуть выше Ильи и встретила его взгляд спокойной ровностью черных глаз, в которых не было ни улыбки, ни обещаний.

– У меня еще один семинар, – сказала Адри (он удивился детской звонкости ее голоса). – Кончится в двенадцать.

Илья не ответил. Тогда Адри взяла его кисть и написала ручкой свой номер телефона у него на ладони. Цифры расплывчато скакали поперек линий жизни, любви и всех прочих линий, и Илья боялся, что они сотрутся прежде, чем он их перепишет или запомнит. Больше в тот день ничего не случилось, и не случилось еще два дня, пока Илья не набрал ее номер.

С тех пор они были вместе, и Илья постепенно начал забывать время до нее. Адри изменила все, все правила, рутину его жизни – учеба, работа, любовь в мотеле в Нью-Джерси раз в неделю, и случайные ночи с разными другими в промежутках. Адри пришла и забрала его у него самого, пришла, как она

сказала в начале их общего времени, чтобы сделать его другим. Он не знал, хотел ли он быть другим, но знал, что хотел быть с ней.

В августе они уехали в Европу и продолжали быть счастливы. Все тридцать дней и все ночи между днями.

Вернувшись в Нью-Йорк – тут еще было душно, и липкое марево облепляло кожу, как полиэтилен, – Илья обнаружил, что его автоответчик, вмещавший двадцать сообщений, заполнен. Три сообщения от Антона, одно от Шэрон, которую Илья не мог вспомнить (хотя она и звала его “беби”), два от телемаркетинговых компаний и остальные четырнадцать от женщины из Нью-Джерси. Илья стер все сообщения, кроме этих четырнадцати, и прослушал их снова, лежа на полу. Дважды.

Потом он позвонил Антону, и тот неожиданно оказался дома. Они поговорили о Европе, об Адри (она вернулась в Амстердам дожидаться родителей), и Илья спросил, что, собственно, происходит. Антон долго мялся, говорил что-то ненужное, а потом осведомился, помнит ли Илья Роланда. Илья помнил.

– Так вот, – сказал Антон.

После того – апрельского – четверга у родителей Антон начал искать Роланда. Он хотел выяснить, что означали его слова. Антон хотел знать, куда делся бог, если он ушел от людей. Что все это значит? Знает ли этот человек что-то, чего не знают другие, или он, как и все, кого Антон встречал прежде, ищет, блуждая в околотайновом тумане?

Оказалось, что Роланда привел Ави. Антон, занимавшийся с Ави каббалой раз в две недели, стал добиваться встречи с Роландом, но Ави клялся, что не может помочь.

– Ты не понимаешь, – размахивал руками Ави (он не умел говорить иначе). – Эти люди не раздают свои номера телефонов. Когда им кто-то нужен, они сами его находят. Ты знаешь, кто такой Роланд? Это серьезный человек, серьезное эзотерическое подполье.

Жена Ави просила его успокоиться и не кричать: они сидели в их бруклинском доме. Дом был разделен узкой лестницей на две семьи, и соседи не любили шума. Одно из окон смотрело во внутренний двор, где ничего не росло.

– Он не понимает! – Ави бегал по комнате, дергая себя за бороду. – Он понятия не имеет, что это за люди! Он думает, это так легко – встретиться с Роландом! – Ави остановился и поглядел на жену: – Ну почему он ничего не может понять?

Жена прищурилась и внимательно посмотрела на Антона; ей и самой давно хотелось знать: почему? Но она ничего не сказала, решив, вероятно, приберечь вопросы до вторника.

– Он был почти напуган, – рассказывал Антон. – Знаешь, не как он обычно шумит, волнуется, а действительно напуган. Я даже пожалел, что все это затеял.

Антон возвращался к расспросам раз в две недели, после долгих бесед о каббале. Ави расстраивался и начинал волноваться, прося оставить его в покое.

– Уже то, что я занимаюсь каббалой с тобой, неженатым, которому нет тридцати, не то что сорока, уже это очень плохо, – переживал Ави. – А ты еще просишь, чтобы я помог тебе найти Роланда!

Антон не хотел расстраивать Ави: тот и так нервничал из-за всего на свете. Ави был его друг, и Антон перестал спрашивать о Роланде. Он почти о нем забыл, пока однажды утром, когда впускал кошку (она покидала его по ночам в поисках любви), не нашел под своей дверью маленький синий конверт с запиской. Он не мог понять, как конверт туда попал.

Записка была написана от руки, по-русски: “Роланд: в субботу в 12:00 дня. Harry’s Coffee Shop, угол 14-й и 7-й”. Подписи под запиской не было. Но Антон знал этот неровный, прыгающий почерк: помнил с детства, с Москвы.

Так писал его брат.

Антон замолк. Он смотрел по сторонам, вглядываясь в посетителей кафе на 14-й, словно пытался найти тех, кто были в его жизни раньше, а затем перестали быть. Люди вокруг пили, ели, смеялись, безразличные к его поиску, и табачный дым тянулся в сторону их стола из секции для курящих. Дым – как тоска, что должна быть заперта в дальнем, тайном месте души, но расплзается, заполняя собой все, – не хотел подчиняться запретам нью-йоркской мэрии. Дым подчинялся законам диффузии и плыл, ширился, мешаясь с запахами еды, шумом разговоров и неловкостью пауз.

Официант наконец подошел и долил в их чашки безвкусный машинный кофе.

Они молчали, пока Антон доедал холодный омлет. Илья смотрел в окно, как полицейские, двое патрульных – женщина-латинос и белый мужчина – арестовывают негра с часами. Негр собирал товар в большую сумку с надписью Samsonite. Он встретил взгляд Ильи через стекло и улыбнулся. Илья обдумал ситуацию и улыбнулся в ответ.

Нью-Йорк 4

Вечеринка, где Илья два года назад встретил Антона, была в старом доме на углу Авеню Б и 8-й Стрит, рядом с Томпкинс Парк. В этом доме когда-то помещался еврейский приют для детей-сирот, и на лестничных площадках еще остались лепные шестиконечные звезды в человеческий рост. В некоторых местах гипс откололся, и звезды стали менее узнаваемы, слившись с общей обшарпанностью давно не крашенной лестницы. Илье показалось, будто звезды понимают, что больше никому не нужны, и оттого разрушаются сами. Как лепные серпы и молоты его советского детства.

Илью туда привела Мерейжа, девочка-пуэрториканка, которая иногда его навещала. Он никогда не звонил ей сам. Она появлялась, когда хотела: просто вдруг звенел интерком, и ее искаженный голос лился звонкой струйкой сквозь треск:

– Кессал, – она любила звать его по фамилии, – я здесь, внизу. Можно зайти?

Илья открывал дверь квартиры и слушал, как она поднимается на третий этаж. Деревянная лестница скрипела, и каждый скрип был шагом, приближающим их друг к другу. Илья слушал шаги, и ожидание отзывалось горячим внутри.

Секс начинался сразу, в длинном коридоре, что вел в его гостиную с высокими окнами на парк. Секс начинался с ее губ, и Илья стоял, прислонившись к неровной стене, и смотрел сверху, как она его целует, откидывая назад свои длинные черные блестящие волосы, чтобы он лучше видел. Иногда они не добирались до дивана в гостиной и оставались на полу коридора, путаясь в не до конца снятой друг с друга одежде. Слов между ними почти не было, лишь Мерейжа шептала что-то самой себе на задыхающемся испанском.

Она никогда не оставалась у него ночевать. Ни разу.

Вечеринка была в почти пустом лофте, где жил друг Мерейжи – художник, как и она сама. Лофт был одной огромной комнатой, метров двести. Посреди стояло нечто квадратное, огороженное с четырех сторон стенками. Стенки не доходили до потолка, и было ясно, что они не являлись изначальной частью помещения. Мерейжа объяснила Илье, что это спальня хозяина квартиры. Его звали Брэндон.

Было шумно, много разного нью-йоркского народа, и Илья быстро потерял Мерейжу.

Он никого здесь не знал и особенно не стремился. Играла музыка, и посреди комнаты какая-то пара танцевала ламбаду. Они танцевали как профессионалы, и их тела лились вместе с песней. Юноша был похож на итальянца-южанина, и даже Илья понимал, как он красив. Его женщина была старше; светловолосая, узкокостная и удивительно длинноногая. Она сняла туфли и танцевала босиком. На ней была длинная юбка, подол которой она завернула наверх и подоткнула за пояс. Юбка вертелась колоколом в ритм танцу и еле прикрывала бедра.

Потом звуков не стало, и они замерли, прижавшись друг к другу. Женщина отстранилась и поцеловала партнера в губы – быстро, не давая поцелую длиться. Он погладил ее по щеке – легкий, веселый, похожий на гибкую трость. Затем отошел в толпу, но не потерялся, оставаясь хорошо заметен среди других.

Минут через десять Мерейжа подвела итальянца к Илье.

Итальянец улыбнулся и сказал по-русски:

– Ты тоже из the Soviet Union?

Он говорил с сильным американским акцентом, зажимая “т” и произнося “р” глубоко в горле. Его звали Антон, и он жил в Нью-Йорке с девяти лет.

Вблизи Антон выглядел чуть старше. Мерейжа крутилась вокруг, упрашивая Антона с ней потанцевать, и он в конце концов согласился. Илья видел, как после танца она повела его за руку в спальню Брэндона и они затворили за собой дверь. Их не было минут тридцать, наполненных шумом, музыкой и голосами. Илья в это время беседовал со странным человеком, утверждавшим, что он – инкарнация Кришны. Человек был лыс и любил водку с лимонным соком.

Перед тем как уйти, Антон оставил Илье номер телефона и попросил звонить. Илья обещал.

Мерейжа и он поймали такси, и Илья хотел отвезти ее к ней домой, но она прижалась к нему в темноте заднего сиденья и шепнула:

– Поехали к тебе.

Илья кивнул, и ее тонкие пальцы мучили его весь недолгий ночной путь до Вест Сайд.

Они оба были возбуждены ее недавней случайной близостью с другим и в ту ночь – их первую полную ночь вместе – вообще не спали. В их любви появились слова, и Илья шептал ей на ухо все, что она делала с Антоном там, в спальне, как она это делала, и Мерейжа выгибалась под ним, мешая английские и испанские звуки ни о чем. Потом слова кончились, и во тьме остался лишь ее стон, прерывистый, как плач, в такт конвульсиям.

Пламя длинной свечи на подоконнике металось и замирало – хрупкий отблеск оргазма.

Мерейжа ушла до рассвета, когда Илья – пустой от любви – провалился в сон. Больше она не приходила. Она пропала, и Илья ее не искал. Он никогда не жалел об ушедших женщинах и не пытался их вернуть. Он вообще мало о чем жалел.

Хотя нет: Илья грустил, когда потерял свою женщину из Нью-Джерси. Они были вместе долго – без надежды, без будущего, но удивительно счастливы. Их встречи в мотеле раз в неделю, и ее редкие приезды в Нью-Йорк. Дома считали, что она навещает родственников; в основном она навещала Илью.

Илье всегда было интересно, что думает ее муж, и он часто представлял себя на его месте. Знает, не знает? Догадывается ли по еле заметным знакам – как она замирает, когда звонит телефон, как рассеянно ласкает его ночью, как неожиданно, без повода, вдруг бывает к нему нежна, – что в доме живет измена и делит с ними двумя их постель.

Было интересно представлять себя на месте мужа, и как бы он сам читал эти знаки, и знал бы, знал.

Проблема наступала дальше: ну знал бы – и что? Бросить, уйти, все переиначить в своей жизни и жизни детей? И из-за чего: что другой касается ее тела, владеет им и делает ее счастливой? Что другой входит в нее и оставляет в ней частицу себя, нарушая его, данное неизвестно кем, право на исключительность соития?

Что делать? Что выбрать?

Илье нравилось представлять себя ее мужем: это давало ощущение победы и оставляло место для великодушия.

Впрочем, он все реже думал о женщине из Нью-Джерси. Теперь у него была Адри.

Когда – неделю назад – Адри вернулась из Европы в Нью-Йорк, Илья рассказал ей про записку и вообще про всю эту историю, начиная со знакомства с Роландом в тот апрельский четверг. Адри внимательно слушала, ни разу не перебив; они проснулись в двухэтажной квартире Рутгелтов на Линкольн Сквер и ленились

вставать.

Адри жила в этой квартире одна: остальные Рутгелты были разбросаны между домом в Голландии, еще одним в Палм Бич и родовым гнездом в Парамарибо. Илья, до знакомства с Адри не встречавший по-настоящему богатых людей, не понимал, зачем им столько жилья.

Рутгелты нигде не жили постоянно и перемещались по миру, собираясь вместе лишь по праздникам: в Палм Бич на Рождество, в Парамарибо на Пасху. Постоянно в их домах жили лишь оставленные ими вещи, не вошедшие в чемоданы или принадлежавшие именно этой стране и этому климату. Вещи лежали в шкафах и терпеливо ждали хозяев, ненужные в их других жизнях.

Квартирой в Нью-Йорке – с видом на Линкольн Центр, – до того, как Адри перевелась из Йельского университета в Колумбийский, семья пользовалась три-четыре раза в год, когда Рутгелты прилетали на премьеры в “Метрополитен Опера” или на концерты Нью-Йоркского симфонического.

Парадное дома напоминало гостиницу: с цветами, фонтаном, пятью швейцарами и блестящими золотыми тележками для багажа. Жильцы то приезжали, то уезжали, и их чемоданы стояли на тележках, ожидая, когда их повезут в аэропорт или, наоборот, распакуют. Илье казалось, что чемоданы не одобряют его визиты, и он старался быть незаметнее и быстрее проскочить мимо швейцаров, предупредительно открывавших двери подъезда.

Больше всего Илью удивляло, как легко уживаются в Адри привычка к богатству и абсолютное безразличие к его возможностям: каждое утро она покупала яблоко, банан и бутылку воды у уличных торговцев и жила на этом весь день. Ее одежда была одеждой других: брата, отца, старшей сестры и теперь Ильи (она утащила у него несколько старых рубашек).

Себе Адри не покупала ничего, кроме книг у букинистов на улицах. Она долго выбирала и никогда не торговалась. Если Адри не соглашалась с ценой, она молча клала книгу обратно и уходила.

Когда Илья первый раз принес ей цветы, она поцеловала его в губы и сказала:

– Ты купил этот букет в магазине. Если хочешь дарить мне цветы, покупай у продавцов на улице: они в основном нелегальные иммигранты, и им деньги нужнее, чем хозяевам магазинов.

Сейчас, слушая рассказ Ильи о поисках Роланда, она сидела в дальнем конце кровати, прислонившись к стене и вытянув длинные смуглые ноги поверх Ильи. Волосы – они всегда ей мешали, и она часто грозила постричься наголо – Адри завязала его рубашкой. Больше на ней ничего не было.

– Странно, – сказала Адри, – не понимаю. Вы ходите в какое-то кафе каждую субботу и ждете там человека, о котором ничего не знаете и который, быть может, никогда не придет? И все это потому, что вам кажется, будто он знает, куда ушел бог? Или потому, что он знает, куда исчез брат твоего друга?

– И то и другое. – Илья смотрел на ее блестящую темным орехом гладкую кожу, и ему хотелось сглотнуть. – Иди сюда.

– Подожди, я хочу разобраться. Я хочу знать, адекватно ли воспринимает реальность мужчина, с которым я сплю. И еще говорят, евреи – умный народ. Нет, эти слухи явно преувеличены.

– Евреи – умный народ? Интересно, чьи предки поставляли рабов в Суринам? – спросил Илья.

– Мои, мои, – признала Адри. – Но не забывай, что другие мои предки были этими самыми рабами. Одна из бабушек, я думаю, просто была красивее, чем другие девочки на плантации, а может, этот еврей Рутгелт выпил в тот день рома больше, чем обычно, или ему стало страшно одному в джунглях. Не знаю, это было триста лет назад. Но с тех пор все Рутгелты женились только на мулатках.

– Не дураки были эти Рутгелты, – согласился Илья. Его ладонь скользила по темному шелку ее ног – выше, выше. – Правильно сделали, что поехали в Суринам.

Эту часть истории их семьи Илья уже знал: Суринам был выменян Голландией у Англии на город Новый Амстердам в 1667 году. Чуть позже англичане переименовали это место в Нью-Йорк.

К этому времени Голландия закрыла въезд для испанских евреев, бежавших от инквизиции, но предложила им селиться в колониях: на Нидерландских Антилах и в Суринаме. Евреи поехали, и скоро в Суринаме появилась целая провинция – Joodse Vail, Еврейская Долина. Евреи-рабовладельцы, еврей-плантаторы – это Илье было трудно понять.

После объявления независимости в 1975-м Рутгелты бежали в Голландию. Адри было пять лет, когда она попала в Амстердам, где прошло ее детство. Она окончила закрытый интернат для девочек в Швейцарии и каждое лето жила по два месяца в Париже: придумка родителей, чтобы у девочки был правильный французский акцент и ни в коем случае не швейцарский. Впрочем, они могли не волноваться: Адри обладала совершенным лингвистическим слухом, и на всех языках, что она говорила, говорила без акцента. Илья не сразу услышал еле заметный иностранный призвук в ее английском – Адри чуть оглушала согласные.

В ней были смешаны звуки разных языков и кровь разных рас – белые, черные, евреи, португальцы, прабабушка китаянка, которой было всего двенадцать, когда старик-креол увидел ее на рынке в Парамарибо и купил у родителей за два мешка сахара, чтобы увезти на дальнюю плантацию у красной реки, куда ягуары приходили по вечерам пить темную воду. В ней были смешаны ненависть всех рабов и страх всех рабовладельцев, что были ее семьей, и память о тех, других, берегах жила вдоль амстердамских каналов. Адри, впрочем, считала себя голландкой.

– Конечно, конечно, – охотно соглашался Илья, указывая на пачку голландского масла, с которой улыбалась круглолицая блондинка. – Не с тебя рисовали?

Но сейчас ему было все равно. Он хотел быть с ней, в ней, и добавить свою кровь к той, иной, темной крови. Адри заметила его возбуждение и как бы случайно задела его там рукой.

– Вот, – она снова его потрогала, – это все, что тебе от меня нужно.

– Да, – они часто играли в эту игру, и Илья знал свою роль, – это все, что мне нужно. Только это. И все.

Адри уже была сверху, тело вдоль тела, и он слышал шепот ее скользящих вниз губ:

– Белый угнетатель поработенных народов, агент колониализма, подожди же, мы поднимемся на борьбу, и тогда...

Илья подождал: он не возражал быть свергнутым и побежденным. Илья знал: оно того стоит.

Время в комнате жило теперь отдельно от них, не смешиваясь с их дыханием и единым ритмом тел.

Потом они долго лежали рядом, не разговаривая и не касаясь друг друга. Было слышно, как на кухне урчит холодильник.

Нью-Йорк 5

Негр, продавец часов, был на прежнем месте. Илья порадовался, что с ним ничего не случилось: тот не появлялся несколько недель.

Илья сидел в кафе на 14-й и ждал Антона. Антон опаздывал, что было странно: он всегда приходил вовремя. Илья, опаздывавший везде и всюду, не переставал этому удивляться.

Он заказал кофе и маффин с голубикой. Официант принес разрезанный пополам горячий маффин, и Илья осторожно ел крошащееся тесто с ягодами внутри. Ягоды были безвкусные, как из резины, но он помнил кисловатую сочность настоящей голубики и наделял эти резиновые ягоды вкусом из своей памяти. Ему – для счастья – обычно хватало воспоминаний.

Они продолжали ходить в это кафе по субботам и ждать Роланда. Уже был октябрь, и они с Антоном приходили сюда каждую неделю и постепенно стали забывать, что приходят в ожидании Роланда. Встречи стали важными сами по себе.

Они говорили о книгах, что прочли, о книгах, что еще не прочли, и о том, что было и в тех и в других. Иногда Антон спрашивал Илью про Адри: они никогда не виделись. Илья обещал как-нибудь ее привести. Он хотел сделать это сегодня, но Адри должна была ехать в университет – работать над курсовой. Октябрь неумолимо кончался, и конец семестра, что в сентябре казался далеким, нестрашным, приближался удивительно быстро, словно каждый день теперь пролетал вдвое-втрое скорее. Они расстались утром у Линкольн Центр, и Адри попрощалась с Ильей до вечера, скользнув по его губам кончиком языка – как обещание.

Антон не появлялся. Илья почти уже съел маффин, и официант дважды доливал ему горький кофе. Он решил подождать еще минут двадцать, а потом уйти. За окном субботний народ спешил, словно был понедельник. На улице рядом с негром толстый бородатый продавец книг принялся расставлять складные столы, чтобы разложить свой потрепанный бумажный товар.

Илья любил покупать книги у уличных торговцев. Книги были растерзаны, зачитаны, и, принеся такую книгу домой, он никогда не начинал читать ее сразу. Илья долго держал книгу, не раскрывая, как бы знакомясь с ней и ее прежним владельцем. Затем он листал книгу, ища пометки, загнутые страницы, следы ее прежней жизни. Книги – как женщины, всегда хранили следы тех, с кем были раньше.

Он часто покупал книги у Весли, худого испитого ирландца, державшего два шатких стола на углу Бродвея и 82-й, напротив Барнс&Нобл. Илья не мог понять, почему Весли выбрал именно это место – рядом с самым большим книжным магазином в Нью-Йорке. Но многие люди, выйдя из Барнс&Нобл, останавливались у хромых столов с потертыми книгами и долго их листали. Илья был одним из таких.

Весли книг не читал и редко мог сказать о них что-то внятное. Весли раскладывал свой товар не по темам и жанрам, а по размерам. Цена соответствовала размеру книги и ее состоянию. Содержание и автор не являлись ценообразующими факторами.

Когда Илья нашел – под истрепанным Кальдероном и полуразорванным Гришемом – маленькую, почти новую книгу о сантерии, все, что Весли мог ему сказать, было туманно:

– Это про всякие кубинские штуки, понимаешь? Это про их кубинские штуки. Как они там, на Кубе, понимаешь? Ты знаешь, про что я?

Илья знал. Он знал, что сантерия была смесью привезенного из Африки вуду и навязанного испанцами католицизма. Но он знал мало и решил купить книгу.

Весли показал на обложку и сказал:

– Практически новая. Новая книга. Ее до тебя уже спрашивали. Но тебе я отдам за десятку.

– Три доллара. – Илья положил книгу на стол. Он был готов платить десять, но это не имело значения.

– Три? – Весли сделал вид, что не расслышал. – Ты сказал “три” или “шесть”?

– Ладно. – Илья повернулся. – Оставь себе.

– Подожди, подожди. – Весли уже доставал коричневый бумажный пакет, из тех, в какие в маленьких магазинах ставят банки с пивом. – Давай пятерку, и книга будет твоя.

– Она будет моя за четыре доллара. – Илья не зря учился в Колумбийском университете и собирался стать инвестиционным банкиром. – А за пять она останется твоей.

Он не открывал бумажный пакет с книгой до вечера, положив его на тумбочку около кровати. Завтра было воскресенье, и Илья мог читать сколь угодно поздно. Он не собирался читать слишком поздно. Он уставал за неделю и в выходные старался побольше спать.

Сантерию, прочел Илья, принесли на Карибы рабы-йоруба. Они верили в творца мира, которого звали Олофи, что просто означало Бог. В созданном Олофи мире не было места для зла отдельно от добра или дьявола отдельно от бога. Все во вселенной имело хорошие и плохие стороны, и одно и то же могло быть хорошим или плохим в зависимости от обстоятельств. Илью порадовал моральный релятивизм йоруба. Он надеялся, что это помогло им легче пережить рабство.

Олофи, создатель мира, не общался с людьми. Он их создал и, судя по всему, решил, что и так достаточно для них сделал. Возможно, он был ими недоволен. В книге ничего об этом не говорилось. В книге лишь было сказано, что с людьми взаимодействовали оришас, божества-посредники, которые постепенно приобрели черты и имена католических святых – для маскировки.

У оришас были разные функции и разные характеры. Один из самых важных был Ешу – бог перекрестков. Ешу был строгий учитель; его уроки отличались жестокостью и помогали возмужанию. Он был учитель судьбы, бог несчастий.

Книга рассказывала, что когда люди хотят избавиться от преследующих их несчастий, они заказывают у сантеро, священника-колдуна, фигурку Ешу и проводят с ней обряд. Фигурку надо отнести в отдаленное место и окропить кровью курицы. Курице полагалось отрубить голову прямо над Ешу, чтобы кровь стекала вниз из отрубленной шеи. Затем, говорила книга, фигурку оставляют в безлюдном месте и вместе с ней там оставляют свои несчастья.

На следующей странице, в центре, была фотография фигурки. Ешу состоял из одной головы, круглой, как колобок. Глаза, нос и рот были из маленьких раковин. Раковины вместо глаз делали Ешу похожим на слепого. На фотографии Ешу не выглядел зловещим, скорее безразличным.

Илья смотрел на изображение Ешу. Ему стало холодно слева, где сердце.

Он поднялся с постели и с книгой в руках пошел в большую комнату. По пути Илья везде зажег свет. Страх расплывался внутри, растекался тяжелым и холодным. Илья подошел к письменному столу и открыл второй ящик справа. Он достал из ящика маленькую шершавую фигурку из некрашеного цемента с раковинами вместо глаз. Нос отлетел, и Илья не помнил, был ли он раньше. Из макушки Ешу торчал толстый гвоздь.

Он нашел фигурку больше года назад, в Форт Трайон Парк. Илья поехал туда в дождливое ноябрьское воскресенье посмотреть на единственный нью-йоркский замок – Клойстерс. Замок стоял на скалистом берегу Гудзона, и на другой стороне реки был хорошо виден штат Нью-Джерси.

На самом деле замок был не совсем нью-йоркским: его части привезли из Франции, из разных мест, и собрали на земле, подаренной городу Рокфеллером в двадцатых годах. Илья хотел посмотреть на замок и знаменитые гобелены. На гобеленах рыцари охотились на единорога. Тот был белый и почти от них убежал.

На обратной дороге из Клойстерс к метро Илья заблудился. Парк был большой и запутанный; Илья ошибся и скоро очутился на маленькой дорожке, среди кустов. Казалось, он не в Нью-Йорке, а где-то в лесу. Сквозь желто-красные осенние листья до Ильи долетала быстрая испанская речь местных наркоманов.

Он увидел фигурку на небольшом расчищенном месте, под неизвестным ему деревом. Илья плохо разбирался в деревьях.

Сначала Илья решил, что фигурка – это большой гриб. Илья подошел ближе и разглядел, что это было. Впрочем, тогда он не знал, что это было. Илья поднял фигурку, и она ему понравилась. Особенно ему понравился гвоздь, вделанный в цементную голову. В этом было что-то настоящее.

С тех пор Ешу лежал у него в столе. Иногда, ища потерянные вещи, Илья натыкался на его шероховатую поверхность. Тогда Илья доставал Ешу и на него глядел. Потом прятал фигурку обратно и продолжал искать. Чаще всего он находил, что искал.

Илья смотрел на фотографию Ешу в купленной книге и сравнивал с фигуркой на своем столе. Его фигурка была не такой красивой, но более живой. Подпись под фотографией говорила, что каждого Ешу сантеро делает для определенного человека. Взять чужого Ешу означало взять на себя несчастья и судьбу других, для кого Ешу был сделан. Этого Илья не хотел: ему хватало своих несчастий. И он все еще надеялся прожить свою судьбу.

Илья часто спал с девочками-латинос и знал, что к сантерии нужно относиться серьезно. Книга говорила, что если человек хочет избавиться от Ешу, фигурку

нужно поставить у выхода и предложить ей угощение, задобрить.

Тогда Ешу уйдет. Илья отнес своего – чужого – Ешу к входной двери и поставил в угол. У него не было конфет: он не любил сладкое. Илья поставил перед фигуркой белую тарелку и положил на нее пластинки жевательной резинки. У резинки был мятный вкус, и он не был уверен, понравится ли она богу перекрестков.

Илья оставил для Ешу свет в коридоре, а сам пошел спать. Он тут же заснул, и ему – как часто бывало – ничего не снилось в ту ночь.

Утром Илья не сразу заглянул в коридор; он надеялся, что Ешу исчез. Илья был склонен верить в чудесное. Но Ешу остался на месте и не тронул мятную жевательную резинку.

Илья обдумал ситуацию и позвонил своей знакомой; она была из Доминиканской Республики и понимала в этих вещах.

Та встревожилась и объяснила, что делать. Илья обмотал Ешу салфеткой и положил в кожаный рюкзак оливкового цвета. Он купил этот рюкзак случайно, в дождь, когда забежал в маленькую лавку в Гринвич Виллидж спрятаться от воды. Рюкзак ему сразу понравился, и Илья часто жалел, что в него нечего класть.

Он зашел в газетный киоск на углу и попросил толстого пакистанца разменять деньги. Илье было нужно шестнадцать монет. Достоинство монет не имело значения, только количество – шестнадцать.

Он дошел до Централ Парк и пошел вверх, в сторону Гарлема.

Было воскресенье, и люди, заботящиеся о своем здоровье, бегали по большому кольцу вокруг парка. Среди них медленно ездили конные кареты с ранними утренними туристами.

Илья дошел до 97-й и направился к городскому водохранилищу. Вдоль его берегов росли кусты, а выше, в Аптаун, парк становился все более густым и нелюдным.

Илья нашел небольшой пригорок, обросший нерослыми городскими деревьями. Он вынул фигурку из рюкзака и поставил на салфетку, в которую та была завернута. Ешу смотрел слепыми глазами куда-то мимо Ильи и видел там его судьбу. Или чью-то чужую. В любом случае Илья не хотел рисковать.

Он обложил Ешу шестнадцатью медными пени и отошел.

Затем Илья повернулся к фигурке спиной и сказал формулу:

– Забери, что не мое.

Потом, как его научила подружка-доминиканка – у нее была удивительная манера целоваться: словно она выпрашивала прощение, – Илья пошел прочь, не оглядываясь. Несчастья и чья-то чужая судьба остались в Централ Парк, недалеко от 102-й Стрит. Илья надеялся, что там их никто не найдет.

Антон так и не появился. Официант уже несколько раз подходил к Илье и выразительно спрашивал, не хочет ли тот что-нибудь еще. Официант был новый: Илья его раньше не видел. Обычно их обслуживала тощая тетка с косой. Ее звали Мелани, и, услышав однажды акцент Ильи, она сообщила, что тоже полька. Вернее, ее дед когда-то приехал из Польши. Илья не стал объясняться: из Польши так из Польши. Они с Антоном всегда оставляли ей хорошие чаевые.

Он расплатился и вышел на улицу.

У лестницы, ведущей в метро (из метро?), худой косматый пуэрториканец пытался заинтересовать прохожих громким шепотом:

– Дурь, дурь, реально крутая дурь.

Шепот таил в себе обещание побега, которому было суждено не удался.

Илья остановился у пластикового ящика из-под пепси с разложенными на нем фальшивыми “ролеками”. Негр улыбался ему глазами и ртом.

– Оштрафовали тогда? – спросил Илья. Он подумал, что хорошо бы что-то купить, какую-то мелочь, из солидарности.

Негр не отвечал. Он перетасовал часы и браслеты на газете поверх ящика. Негр посмотрел на Илью и снова улыбнулся. Илья хотел улыбнуться в ответ и вдруг осознал, что улыбка предназначена не ему: негр смотрел вверх, словно там был кто-то выше Ильи. Илья оглянулся: перед ним стоял Роланд.

Нью-Йорк 6

Индонезия – странное место. Разбросанная на семнадцати тысячах пятистах восьми островах, страна лежит на стыке трех колоссальных тектонических плит – Тихоокеанской, Евразийской и Индо-Австралийской. Плиты смещаются, вызывая частые подводные землетрясения и поднимая цунами. Жить там тревожно и зыбко.

Эта раздробленность существования усугубляется тем, что в Индонезии живут более трехсот национальных групп, говорящих на семистах сорока двух языках и диалектах. И в этой самой стране, где все отличаются ото всех, где природа так же разорвана на мелкие куски неверной суши, как разрознены и населяющие ее люди, родилось самое единое и стройное духовное учение в мире – субуд.

Субуд, объяснял Илье Роланд, сводится к следующему: каждый может вступить в контакт с Высшей Силой напрямую, без посредников. В каждом спрятана истинная суть, которую можно разбудить через процедуру, называемую “латихан”.

Процедура эта невообразимо проста: люди, мужчины и женщины отдельно, в разных помещениях, встают в круг, и один из них говорит:

– Начнем.

И все. Дальше приходит откровение, если ты к нему готов. Или нет, если твое время не сейчас. Никакой подготовки, никакой духовной работы, никакой

организации. Сила сама выбирает тех, с кем хочет вступить в контакт. И являет себя этим выбранным.

Они сидели на татами в гимнастическом зале над Harry's Coffee Shop. На скудно покрашенных стенах висели расписания занятий дзюдо и плакаты с людьми в различного типа кимоно.

Говорил Роланд, Илья задавал вопросы; остальные двое слушали молча, как бы сторонясь беседы. Один из них, Саймон, носил носки разного цвета.

– Это не религия, – объяснял Роланд. – Никаких предписаний. Никаких запретов, кроме тех, что определил себе сам. Человек может исповедовать любую религию и делать латихан. Саймон, например, иудей, Джефф – протестант, а я гностик. В субуде нет догматов веры, нет даже центральной фигуры – бога. Субуд – просто убеждение, что в каждом есть частица Силы, и, если он обратится к Силе, Она ответит и поможет.

– Но что-то все-таки нужно сделать, чтобы Сила выбрала тебя? – спросил Илья. – Если Сила являет себя избранным, значит, что-то делает их избранными.

– Мы не можем знать, почему Сила выбирает тех или других, – сказал Роланд. – Не заботьтесь об этом. Если начнете думать, придумаете миллион теорий, и каждая будет неправильной. Все религии построены на таких неправильных теориях о Силе. О том, как Она создала мир, о предназначении человека, о том, чего Сила хочет от нас. В субуде нет ни космогонии, ни теологии, ни морали. Только вера, что Сила доступна для контакта, и Она сама скажет, что и как делать. Все остальное придумано людьми.

Зал постепенно наполнялся мужчинами; они снимали обувь у входа, проходили к узким длинным лавкам, стоявшим вдоль одной из стен, и молча садились, не здороваясь с другими. Многие снимали ремни и часы и клали под лавки. Некоторые сворачивали ремни и засовывали в обувь у входа. Концы ремней торчали из пустых ботинок – как гюрза перед броском.

Между пришедшими было мало сходства: разных рас, возрастов, религий. Их объединяли молчание и чувство цели. В зале сгущалось предчувствие, как перед сексом с женщиной, с которой спишь впервые: знаешь, что произойдет,

но как это будет, как начать, кто первый дотронется, что она любит – все это пока тайна, которую предстоит раскрыть.

Мужчины сидели вдоль стен без ремней и часов и ждали тайны.

Окна были плотно закрыты. Кто-то зажег свет, и в высокой пустоте зала повис желтоватый туман. Вокруг ламп на потолке расцвела резная паутина из расплывчатых теней. Худой хасид, что пришел последним, аккуратно сложил черный пиджак и положил на лавку. На нем была белая нечистая рубашка с торчащими из-под нее кистями талескотна. В каждой кисти было по одной синей нити.

– А как же Антон? – спросил Илья. – Он так ждал этой встречи. Надо позвать его тоже.

– Он не важен. – Роланд поднялся с татами. – Его не было, когда я за вами пришел, стало быть, он не важен. Сила не хочет его испытать. По крайней мере, в этот раз.

– Неудобно как-то. – Илья старался оттянуть начало латихана. – Он, собственно, все это начал, искал...

– Он был нужен, чтобы привести вас, – решил Роланд. – Он просто инструмент, который Сила использовала, чтобы привести сюда вас.

Роланд отошел к мужчинам, сидевшим на лавках, и стал что-то говорить. Разговор шел об Илье: они разглядывали его, не прячась. Высокий азиат кивнул Илье в знак приветствия. Илья кивнул в ответ. Азиат неожиданно засмеялся и отвернулся.

Илье стало жутковато. Ему хотелось уйти.

– Страшно, конечно, – вдруг сказал Джефф. Илья увидел, что он уже не сидит, а лежит на полу с закрытыми глазами. – Страшно, а вдруг ты не избранный? Пока не попробовал, есть надежда незнания. Незнание, собственно, и есть надежда. – Он открыл глаза и уставился в высокий потолок зала. Потом сел и потянулся: – Пора.

Илья заметил, что в центре татами все уже встали в круг. Роланд стоял вместе со всеми, но как бы отдельно. Он позвал Илью глазами. Илья поднялся и занял место в кругу. Было очень тихо.

– Начнем, – сказал Роланд.

Началось сразу. Илья на секунду перестал видеть зал, все куда-то пропало, а потом появилось вновь, но уже другое и по-другому. Люди теперь не стояли в кругу, а рассеялись по залу. Худой хасид танцевал в углу сам с собой.

Вдруг Илье стало жарко. Он понял, какая он сволочь и сколько он сделал плохого. Он обижал людей. Он лгал. Он был высокомерен. Он никого не любил, кроме себя.

Эти мысли возникали в мозгу сами; нет, кто-то их туда впечатывал.

Кто-то с ним говорил. Кто-то светлый, добрый, кто был готов простить.

Илья заплакал.

Он почувствовал, что уже не стоит на месте. Он двигался, как-то рвано скользил по залу, будто на коньках. Вокруг были другие люди; он знал, что они здесь, но не мог их видеть. Зато он увидел себя, сверху: он сидел на полу, уткнув лицо в колени, и просил его простить. Илье было стыдно и светло. Его простили.

Вдруг он осознал, что стоит и пытается залезть на стену; это было очень важно, самое важное из всего, что с ним когда-то случалось. Он поднимал ноги, сгибал их в коленях и пробовал взобраться на совершенно гладкую стену, схватиться руками за пустоту и подтянуться. Стена не поддавалась, но и не отталкивала. Стена сказала Илье, что он должен, обязан продолжать пытаться, но помощи не будет.

Он видел стену необыкновенно ясно: каждую выбоину, каждую неровность краски. Видел всю сразу и каждую малую деталь.

Потом все окончилось. Вокруг были люди, в разных позах, кто-то продолжал двигаться, кто-то замер, кто-то лежал на полу. Предметы стали резко различимы, и Илья понял, что вернулся в жизнь. Внутри него разлилась пустота.

Он позвал Силу несколько раз, но ответом была пустота.

Илья сел на пол. Он хотел пить.

Все оделись и как-то быстро ушли, не прощаясь друг с другом и не разговаривая.

Илья сидел на полу и ждал объяснений. Никто не обращал на него внимания.

Он увидел, что Роланд идет к выходу. Илья встал и поспешил за ним, но не успел: Роланд ушел.

На улице было темно, фонари горели расплывчатыми кругами. Илья заметил Джеффа; тот шел к метро. Он догнал его и пошел рядом. Джефф остановился.

– Понял? – спросил Джефф. – Ты понял?

– Нет, – сказал Илья. – Я не понял. Со мной никогда такого не было.

– Это Сила, – объяснил Джефф. – Она говорила с тобой. Тебе много чего предстоит. Много чего. Целая уйма всего.

– Чего? – спросил Илья.

Он хотел объяснений. Он хотел, чтобы Джефф расспрашивал его о том, что случилось.

– Много всего, – повторил Джефф. – Ты многое должен будешь сделать. Тебе еще скажут.

– А если я не хочу? – спросил Илья.

– Понятно, не хочешь. – Джефф поморщился. – Только кого это ебет?

Парамарибо 1

Мир как неясность, как неизвестность, что каждый миг требует себя разгадать, – ощущение это, раз придя, осталось с Ильей навсегда. Впервые оно появилось не в тюрьме, где все было твердо и осязаемо, а в ссылке, в Сибири. Здесь мир рождался каждое утро заново, и жизнь, зыбкая от его незнания о ней, жизнь, известная до того лишь по книгам, стала явью, и ветер жил за окном, неслышный сквозь снег.

Все годы ссылки он не был ни в чем до конца уверен; старая, знакомая бытность закончилась однажды и насовсем, а в новой, нынешней, мир выявлялся каждое утро из белого сумрака, не враз, а по частям: крыша, окно, край поленницы – все порознь, несвязное друг с другом, будто за ночь мир разбрелся и пытается сойтись вместе вновь. Сойдется ли, будет ли все, как прошлый день, – того Илья не знал никогда. Так и жизнь его тогда разбрелась по частям и пыталась неуклюже срастись в одно целое на той странной промерзшей земле, что тянулась неведомо куда, должно быть, до речки.

Эта смутность сохранилась, не ушла и теперь, после стольких лет. Он просыпался с ней каждое утро и лежал, привыкая жить заново.

Глубже в день пелена таяла от предметности дел, мир становился знакомее, явнее и ожидаемое. Вот и сейчас, в это воскресное утро в Нью-Йорке, Илья был почти уверен в прочности и быта и бытия.

Он решил не рассказывать Антону, что случилось. Он просто не мог. Илья думал, что если Роланд говорит правду, Сила найдет Антона сама. А если Роланд врет, то и рассказывать нечего. Илья решил вообще никому об этом не говорить. Даже Адри.

Во вторник вечером – марево дождя блестело в фонарном свете и делало Нью-Йорк похожим на фотографию со смазанным фокусом – Адри сообщила, что улетает в Суринам на День благодарения. Рутгелты собирались на праздники в родовом доме в Парамарибо: мистер и миссис Рутгелт прилетали из Амстердама, старшая сестра Кэролайн с английским мужем – из Лондона и младший брат Руди – из Палм Бич.

– Ты тоже приглашен, – неожиданно сказала Адри. – Если хочешь. Учти, мы не сможем открыто спать вместе. Мама сказала, что папу это может расстроить. Но я буду приходить к тебе ночью, тайком.

Она делала вид, что не ждет ответа. Илья и не отвечал. Он уже решил, что поедет. Он хотел наконец встретить ее семью.

В Парамарибо начальник аэропорта ждал их у трапа. Рядом стояла женщина, которая никак не могла быть матерью Адри: она выглядела максимум лет на десять старше. Она, собственно, и была Адри, только старше, хотя – если приглядеться – они были совершенно непохожи. Их сходство проявлялось не столько в чертах лица, сколько в общем впечатлении.

Миссис Рутгелт двигалась с такой же, как и Адри, грацией колеблющейся на ветру тростинки, что вдруг обрела возможность ходить. У нее были Адрины миндалевидные глаза с разрезом, как у рыси (наследство прабабушки-китаянки), такие же высокая грудь и тонкая талия, чуть более светлая кожа и та же способность выглядеть приветливой, не улыбаясь. Миссис Рутгелт была чуть ниже дочери, но не менее длиннонога. Одета она, в отличие от Адри, была тщательно и дорого. Она чем-то напоминала Илье женщину из Нью-Джерси, с которой он больше не виделся и которую вспоминал все реже и реже.

Адри вышла из самолета босиком, в джинсах и короткой – по ребра – майке на голое тело. Она поцеловала мать и затем, не оборачиваясь к Илье, взяла его за руку:

– Вот он, мой русский еврей. С голубыми глазами. – Она повернулась к Илье. – Ты же знаешь, я с тобой только потому, что ты еврей. Семя Авраама, избранный народ. Веди себя хорошо, не как всегда; мама будет тебя оценивать. Как только ты пойдешь спать, она бросится обсуждать тебя с папой и Кэролайн.

– Адри! – Миссис Рутгелт мягко улыбнулась Илье. – Как вы выносите ее болтовню?!

Для Ильи Парамарибо был первыми нетуристическими тропиками; до этого он видел только Сан-Мартин и Вьекес-Айланд, два карибских курорта, куда ездил с женщиной из Нью-Джерси.

Здесь тропики выглядели резче, некрасивее и менее походили на рекламные фотографии в окнах турагентств. По пыльным улицам ездили старые машины вперемежку с телегами, запряженными безразличными осликами и безнадежно худыми лошадьми. Люди двигались не торопясь и были воплощением всех оттенков черного, красного и коричневого. Белых Илье не видел ни одного.

“Ренджровер”, который шофер миссис Рутгелт вел, не обращая внимания на остальное движение, был странно уместен на этих улицах. Быть может, решил Илье, так кажется, когда сидишь внутри. Или это семейная способность Рутгелтов делать привычные для них богатство и комфорт естественными в любой обстановке.

В машине было прохладно, кондиционер на максимуме; Адри что-то рассказывала матери по-голландски, миссис Рутгелт улыбалась в ответ краями губ, и Леонард Коэн пел о том, что знает каждый. На Илью никто не обращал внимания, и он был за это признателен.

Через час они въехали на засаженную магнолиями, пальмами и олеандрами улицу и остановились у огромных темно-серых ворот из кованого железа. С обеих сторон тянулся шестиметровый забор. Ворота открылись, и их встретили два вооруженных охранника в камуфляжной форме с карабинами в руках. Рядом сидел коричневый доберман.

Машина проехала по длинной гравиевой дороге сквозь сад (в нем пряталось множество небольших построек) и остановилась на большом кругу с фонтаном посередине. Отсюда был виден дом.

Дом казался бесконечным; он шел полукругом, в испанском стиле: с резными башнями по бокам и верандами, опоясывающими дом на трех этажах. Веранды были увиты бугенвиллеей, и из центра каждого лилового цветка выглядывал желтый глазок-звездочка. Вдоль дома тянулась высокая каменная изгородь с полукруглыми арочными окнами, в которые были вставлены железные кованые решетки. Сквозь решетки было видно внутренний двор и длинную мраморную лестницу, ведущую в дом. Чтобы попасть во двор, нужно было пройти под аркой, отделанной серым неровным камнем. Рядом с аркой висел большой колокол.

У дома было имя – Хасьенда Тимасу. Что это значило, Илья так и не выяснил.

Их встречали. У фонтана стояли двое скудно одетых среднего возраста мужчин и пожилая женщина. Женщина была тоже черная, но в отличие от мужчин с азиатскими чертами лица. В руках она держала зонтик от солнца.

Адри обняла женщину, и они застыли, а потом начали целовать друг друга в щеки и протяжно говорить на непонятном языке.

Мужчины сказали Илье что-то дружелюбное и стали доставать из машины багаж. Шофер в выгрузке багажа не участвовал. Илья хотел взять свою сумку, но его вежливо отстранили, объяснив что-то, чего он не понял.

Миссис Рутгелт дала мужчинам какие-то указания и повернулась к Илье:

– Это Ома, моя тетя, сестра Адриной бабушки, моей мамы. Она всегда жила с нами. Адри – ее любимица. Пойдемте в дом, а то сгорите на солнце. Адри сейчас придет.

Они прошли через арку с кованой дверью-решеткой (Илье очень хотелось позвонить в колокол, но он не решился) и оказались во внутреннем дворе, с бесконечными клумбами цветов всех оттенков и огромными неизвестными Илье деревьями, кроны которых полностью затеняли двор. Сквозь них осколками синего редело небо. Рядом с одним из деревьев спал гигантский попугай с кольцом на ноге. От кольца тянулась толстая цепь, прибитая к дереву большим гвоздем.

В доме было прохладно и стоял полумрак. Свет струился внутрь сквозь прорези ставен. Адри куда-то исчезла, и миссис Рутгелт повела Илью через комнаты, заставленные темной деревянной мебелью. Он тут же запутался в казавшихся ненужными коридорах и старался держаться к ней поближе.

В одной из комнат стояло пианино с резной крышкой и четыре кресла с высокими спинками на очень низких ножках. Больше в ней ничего не было.

В последней комнате было светло и только три стены, а вместо четвертой – открытый проход на веранду. Здесь под навесом на плетеных диванах и креслах с подушками сидели Рутгелты и, зажимая звуки, говорили по-голландски. В углу висел огромный гамак, прикрепленный толстыми канатами к кольцам под навесом.

В гамаке лежала Адри в обнимку с самой красивой женщиной в мире. Илья увидел женщину и остановился: он не мог поверить, что такая красота действительно существует.

Адри рассмеялась, а потом сказала:

– Не смущайся, она так действует на всех мужчин. Я уже давно не ревную. Это Кэролайн, а там папа и Руди. Очнись, она никуда не убежит, еще насмотришься.

Оба, мистер Рутгелт и Руди, были на голову выше Ильи и с их по-семитски тонкими лицами выглядели как эфиопы. Руди был более светложим и чаще улыбался. Мистер Рутгелт пожал Илье руку и попросил называть его Эдгар, но Илья сразу понял, что к нему можно обращаться только “мистер Рутгелт”. Он был одет в белые полотняные брюки и белую рубашку навыпуск. Как и все, кроме Ильи, он был босиком.

Разговор перешел на английский, на котором все Рутгелты, за исключением Руди и Адри, говорили с подчеркнуто британским акцентом. Руди и Адри говорили как американцы – как белые американцы. Мистер Рутгелт иногда вставлял голландские слова, но тут же извинялся и переводил сам себя.

Адри выбралась из гамака и залезла в одно кресло с Омой. Она положила ей голову на грудь, и Ома стала что-то тихо напевать не по-голландски (позже Илья выяснил, что это срэнан-тонго, местный креольский диалект, образованный

из африканских, голландских и индейских слов).

Кэролайн почему-то извинялась перед Ильей, что ее муж Гилберт не смог прилететь в этот раз. Илья старался не смотреть на ее ноги в узкой короткой юбке. Он старался смотреть на цветочные горшки, расставленные вдоль балюстрады, но не знал, насколько это у него получалось.

На веранду вышел огромный тигровый мастиф и недоверчиво обнюхал Илью. Потом мастиф подошел к креслу, в котором сидели Ома и Адри, и, тяжело вздохнув, лег и тут же заснул. Ома поставила на него ноги.

Беседа шла ни о чем: как прошел полет, что Илья знает о Суринаме, что хочет посмотреть, где еще был в Южной Америке. Илья, однако, понимал, что все, кроме Омы, его внимательно оценивают. Вопросы скоро иссякли, и жизнь веранды постепенно соскользнула в ритм предвечерних тропиков – с покачиванием гамака, цоканьем кубиков льда в длинных стаканах и шелестом босых ступней по каменному полу.

В саду мягко кричали птицы и, казалось, времени нет и не нужно. Затем сумерки вдруг вылезли из-под верхушек деревьев и заполнили мир вокруг лиловой пеленой. Сам собой включился свет, и появились ночные бабочки. Миссис Рутгелт ушла в дом, и скоро высоко под навесом веранды зазвонил колокольчик: ужин.

Парамарибо 2

Завтрак в доме Рутгелтов был большой, медленной и долгой едой, потому что Рутгелты никогда не обедали и вообще не ели днем. Завтракали на веранде, но не на той, где Илья познакомился с семьей; та веранда использовалась для разговоров вне еды, семейного времени вместе, легких аперитивов перед ужином и называлась “Семейная”. Завтракали и ужинали на нижней, примыкавшей к кухне веранде с огромным столом на двадцать человек. Эта веранда так и называлась – “Кухонная”. Она была отгорожена от сада каменной балюстрадой, по поверхности которой тянулись встроенные лотки с цветами.

В двух дальних от стола углах веранды стояли низкие плетеные столики с креслами, туда мистер Рутгелт и Ома уходили курить после еды. С навеса над верандой свешивались длинные узкие ленты, на них жужжали приклеившиеся мухи. Перед ужином ленты убирали и вешали свежие.

В доме было еще две веранды: Верхняя – на третьем этаже, куда выходили семейные спальни, и веранда с шестью креслами на крыше. Что делали там, оставалось загадкой; впрочем, Илья никогда на ней не бывал.

Веранды носили голландские названия – Het Terras van de Familie, het Terras van de Keuken, Hoger Terras и het Terras van het Dak, которые Адри перевела для Ильи: Family Terrace, Kitchen Terrace, Upper Terrace, Roof Terrace. Английские названия были короче и радовали понятностью, хотя Илье нравились голландские Keuken и Hoger: в них чувствовались определенность и предназначение.

За завтраком говорили о планах на день и обсуждали отсутствие за столом (и вообще в доме) Руди; это обсуждалось по-голландски, но Адри перевела Илье все замечания мамы и Кэролайн по этому поводу. Мистер Рутгелт не участвовал в обсуждении и расспрашивал Илью о шансах республиканцев на предстоящих выборах в США. Он был удивлен, что Илья не собирается голосовать.

В конце концов все согласились, что самое лучшее – взять катер и подняться по реке к водопаду, где находился песчаный пляж. Появившийся в конце завтрака Руди предложил поехать на Уайт Бич в Домбург, но был высмеян сестрами за свое “американское” пристрастие к комфорту.

Илье объяснили, что Уайт Бич – это искусственный пляж с сетками от пираний, а его отвезут на настоящий дикий пляж у водопада.

– Ведь это то, что Илья хочет, не так ли? – утверждала Кэролайн.

Илья в принципе не возражал против комфорта и защиты от пираний, но, посмотрев в бархатные ночные глаза Кэролайн, решил согласиться. Рядом с ней хотелось быть героем. Рядом с ней вообще хотелось быть.

Мистер Рутгелт остался дома, пожелав всем хорошей поездки. Он стоял на крыльце и смотрел, как они садятся в машины. Мастиф сидел рядом и спал.

Река начиналась недалеко от дома Рутгелтов, но до пристани, где находился катер, нужно было ехать более получаса. Катер был большой, метров пятнадцать, и Руди уверенно вел его по широкой коричневой реке. Река называлась Суринам.

Они быстро проплыли через город, и по берегам потянулись джунгли с лачугами и мостками для лодок. Черно-синие дети плескались в воде, женщины в длинных юбках и платках, закрученных на голове как тюрбаны, занимались домашней работой. Вокруг женщин ходили худые курицы, недовольно клопоча в вязкий тропический воздух.

Становилось жарко; женщины на катере пересели под навес. Ома открыла зонтик, и сестры пытались ее убедить, что зонтик под навесом не нужен. Ома не слушала и крепко держалась за зонтик обеими руками. Руди снял майку и обвязал ею голову; он был сложен так, что каждый мускул можно было видеть отдельно. Он ни с кем не разговаривал, но часто улыбался, единственный в семье. Казалось, Руди не очень знает, о чем нужно говорить с Ильей и нужно ли.

На корме, отдельно ото всех, безразличные к солнцу, курили оба водителя, привезшие их на пристань. Один из водителей сидел на корточках, и Илья не понимал, как у него не затекают ноги. Изредка водители плевали в воду за бортом, стараясь попасть в белую пену, бежавшую за катером.

Скоро берега стали необитаемыми, и казалось, никакого города никогда не было и быть не могло. Джунгли густились по берегам реки, не позволяя взгляду проникнуть внутрь, храня свою жизнь от посторонних. Не было видно животных и вообще никаких следов жизни. Только птицы кружились над головой, встревоженные клекотом мотора, и пытались криками прогнать катер из своего пространства. Несколько раз они проплывали мимо убогих рыбацких лодок, и Руди сворачивал в сторону, чтобы не задеть сети.

Неожиданно река широко изогнулась, и Илья услышал гул падающей воды раньше, чем увидел водопад. Шум приближался, нарастал, словно бежал навстречу. Катер обогнул большой желтый буй посреди реки и повернул к песчаному берегу напротив водопада. Руди остановил мотор и бросил якорь.

Их протащило метров шесть назад по течению, потом катер мягко дернулся и остановился. Один из водителей прыгнул в воду, не снимая темных брюк, а другой начал подавать ему свернутые в рулон брезент и длинные колья. Затем он тоже прыгнул в воду, и они быстро установили на пляже большой тент и вернулись за складными креслами и пластиковыми ящиками со льдом, в которых хранились напитки и еда.

Потом водители перенесли Ому и усадили в одно из кресел под тентом. Пока ее несли, Ома продолжала держать в руках зонтик. Когда все Рутгелты и Илья расселись под навесом, водители ушли к дальнему концу пляжа, где росли деревья, не дававшие тени. Здесь они легли на песок и мгновенно заснули.

Парамарибо 3

Адри пришла к нему только на третью ночь. Все эти ночи они спали отдельно, и даже в течение дня Адри старалась не оказываться рядом. Илье было трудно привыкнуть к ночному одиночеству, но одиночество дневное было еще труднее и незаслуженнее. В Нью-Йорке они все время касались друг друга. Были вместе. Илья хотел обратно в Нью-Йорк.

Она скользнула под москитную сетку и прижалась к нему своим длинным узким телом. Илья стал целовать ее в шею, затем тронул языком сосок (он не видел в темноте, но знал, что сосок кофейного цвета). Адри отстранилась и, перевернув его на спину, оказалась сверху.

Она шепнула на выдохе:

– Хочу тебя поцеловать.

И через мгновение ее мягкие влажные губы были там, где он желал их больше всего, и ее пальцы помогали ласкам.

Илья слышал сквозь любовь, как обиженные москиты звенели за сеткой, не понимая, отчего эти двое не хотят, чтобы их кусали. Сетка скоро упала

и поймала, опутала их сплетенные мокрые тела словно кокон. Они продолжали переворачиваться и совсем запутались в сетке и друг в друге.

Москиты зудели вокруг, но боялись на них садиться.

Потом Адри повесила сетку обратно, принесла мокрое полотенце и обтерла Илью и себя. Они расправили простыни и легли – ее голова у него на плече, ее пальцы продолжали его ласкать, искусно поддерживая возбуждение, которое и так не хотело угасать. В комнате стояла мутно-коричневая ночь, плотная, как туман.

У Адри не было предпочтений в любви. Обычно, если Илья спал с женщиной больше двух раз, он начинал понимать, что и как она любит делать и что она любит, чтобы делали с ней. Он всегда был внимателен к женщинам и старался выучить их эмоциональные и физические реакции, узнать их вкусы, чтобы любить их правильно – как им хочется.

Некоторые хотели, чтобы их долго готовили, ласкали и возбуждали, другие – наоборот, чтобы их взяли словно насильно и вошли в них грубо и сразу. Были женщины, что хотели иногда одного, а иногда другого, и это было как игра, где нужно угадать ее настроение и быть таким, как ей хочется в этот раз. Но всегда оставалось что-то, что каждая ценила больше всего: кто-то любил сзади, кто-то – быть сверху, одна хотела, чтобы ее ласкали языком до конца, а другая – чтобы пальцами внутри, где пряталась та самая точка, шероховатый центр оргазма, что ждал, пока его найдут и начнут трогать, сначала нежно, а потом все сильнее и сильнее, пока наслаждение не накопится капля за каплей и не взорвется, заполнив собой низ живота и освободив его от скопившегося ожидания. Некоторые женщины любили, чтобы им говорили слова, чтобы мужчина рассказывал, что он с ними сейчас делает и что хочет делать, другие же хотели полной тишины, чтобы самим додумать все, о чем мечталось.

Илья сознавал, что для многих женщин он – лишь инструмент их фантазий и в этот момент они не здесь и не с ним. Он не обижался и старался соответствовать их нуждам и знал, что никогда не будет полностью таким, как они хотят, потому что они хотели не его, а другого, кого не было с ними в данный момент, а часто не было и совсем.

С Адри он так и не мог понять, что ей действительно нравится, потому что казалось – ей нравится все. Илья был достаточно опытен, чтобы знать: так не бывает. Женщины, особенно молодые, были любопытны и хотели пробовать разные вещи, но у каждой было то, что она любила больше, что доставляло наслаждение. Женщины были готовы делать и делали другие вещи тоже, но обычно делали это, чтобы доставить удовольствие партнеру, и ждали, терпеливо ждали того, что им действительно нравилось.

Любовь как мелодия, и нужно обладать слухом, чтобы услышать правильную ноту, а все остальное – аранжировка, остального могло и не быть. Адри же казалась каждую ночь разной, и Илья чувствовал, что ласки, от которых она умирала вчера, ее тело отвергает сегодня, что реакция плоти, уже казавшаяся ему безусловной, исчезла и она хочет другого и по-другому. Каждая ночь с ней была первой, и он должен был выучивать ее заново, чтобы на следующую ночь все выученное оказалось неправдой.

Они говорили о вчерашней поездке на катере, и Адри допытывалась, кто лучше выглядел в купальнике – она или Кэролайн.

– Скажи мне правду, – приставала Адри. – Но помни, что я держу в руке. Пусть ответ будет правильным.

Она сжала его чуть сильнее для подтверждения угрозы. Это было немножко больно и очень приятно.

– Сделай так еще, – попросил Илья.

– Сделаю, когда ответишь. Или вообще перестану трогать.

И перестала, убрав руку. Илья положил ее руку обратно и накрыл своей ладонью. Они лежали какое-то время молча, ласки возобновились, и ее пальцы стали все требовательнее. Затем Адри потянула Илью к себе, на себя, в себя, и он взял ее, войдя внутрь и чувствуя, что она хочет, чтобы он сделал ей больно. Он прижал ее руки к подушке и входил в нее, будто брал насильно. Он чувствовал, что это как она хочет сейчас, но знал, что в следующий раз все будет по-другому. Следующий раз с ней снова будет первым.

Когда Илья проснулся, утренний свет уже пробрался сквозь щели ставен и разлиновал стены узкими желтыми полосами. Адри не было, но она оставила свою красную ленту для волос, повязав ее там, где ночью были ее пальцы и губы.

Илья пошел в душ и долго мылся, не снимая ленту, пока она не стала скользкой от мыла и не упала на шершавый каменный пол. Потом он надел шорты, повязал ленту вокруг шеи как галстук-бабочку и отправился завтракать на Keuken Terras.

Парамарибо 4

Жизнь в Суринаме напоминала Илье Сибирь, куда он был сослан после тюрьмы. И здесь, и там борьба за выживание, и Илья сразу почувствовал, узнал растворенную в здешнем воздухе повседневность беды, что висела над сибирской землей так же низко, как и скудное тамошнее солнце. Здесь это ощущение было ярким и жгучим, как красное солнце тропиков, что находит человека в любой тени и сжигает дотла. Люди вокруг жили трудно, жили от утра до вечера, без тоски о прошлом, без планов на будущее, без надежды в настоящем. Илья знал эту жизнь; он и сам так жил долгие пять лет заключения, что пролетели удивительно быстро и остались с ним насовсем.

Тюрьма была словно сон, просмотренный фильм, отдельный от его настоящей жизни, хотя никакой другой жизни у него не было. Он помнил, как после освобождения, уже в эмиграции, все не мог побороть привычку смотреть в чужие тарелки: вдруг там сытнее. Он никогда не жалел, что сидел, и не променял бы это на другое.

Многие сочувствовали, сокрушались, что он провел в заключении лучшие годы молодости – с двадцати трех до двадцати восьми. Он соглашался, но лишь с тем, что эти годы действительно были лучшие.

После перестройки (и гласности), когда Илья уже жил в Америке, он узнал, что статью, по которой его осудили, отменили совсем. А потом не стало и самой страны, в преступлениях против которой он был повинен. Антисоветская

пропаганда стала таким же историческим прошлым, как Гражданская война, ведь советской власти больше не было. Не было и Советского Союза, его родины, и вместо нее стала странная, далекая страна – Россия, настоящая заграница.

Обсуждать эти перемены с Антоном не получалось: Антон совсем не помнил советской жизни; его родиной было его детство. Он с трудом говорил по-русски и не понимал горечи Ильи по утраченному прошлому.

– Ну и хорошо, – успокаивал он Илью. – Не стало, и хорошо. Теперь там все будет по-другому, как здесь. И сажать никого больше не будут.

Антон все-таки был безнадежно американец.

Как ни странно, Адри понимала Илью лучше. Жизнь ее семьи была так же разделена на две части: до и после. До – это до независимости, в Суринаме, и после – в Голландии. Независимость заставила их покинуть родину, и память об этом жила в семье рассказами и воспоминаниями о бегстве. Сама Адри никогда не жила плохо, ни здесь, ни там, да и никто из Рутгелтов плохо не жил.

Семья, однако, как и Илья, прошла через опыт подчинения личной судьбы ходу истории, и это их объединяло. Илья, правда, поначалу не мог понять, почему они вообще должны были бежать.

– Вы же не колонизаторы, не белые, – удивлялся Илья. – За что вас-то?

– Ты не понимаешь, – объясняла Адри. – Раса здесь вообще ни при чем. Это все экономика. Знаешь, бразильцы говорят: “Деньги делают тебя белее”. Богатый в третьем мире – уже белый.

Только здесь, в Суринаме, он полностью понял, что Адри пыталась ему объяснить.

Сейчас они бродили по парамарибскому рынку; Ома с ними, зонтик крепко зажат в руке.

Вокруг кипел людской хаос, на длинных досках, поставленных на пустые бочки, разложены овощи и фрукты, которых не могло существовать в природе. Из дальнего конца крытого зала несло густым сырым запахом свежей рыбы. Какие-то люди спали на земляном полу, среди гнилых овощей, объедков и прочего мусора, и покупатели переступали через них, наступали на них, а те лишь сворачивались в клубок и продолжали спать, словно ничто не могло их заставить вернуться в реальность.

Адри шла сквозь толпу, окутанная своей привилегированностью, как коконом. И хотя многие здесь были светлее ее кожей, не возникало сомнений, кто был раньше хозяином, а кто рабом.

Они остановились около лотка с фруктами. Ома долго приглядывалась к длинным плодам папайи (таких больших Илья никогда не видел в Нью-Йорке), гладила их желтую кожу и наконец выбрала шесть плодов. Она также купила какие-то незнакомые Илье фрукты. Продавщица отложила все купленное в сторону, и они пошли дальше.

– А фрукты? – не понял Илья.

– Их принесут домой, – сказала Адри. – После рынка.

– А как они знают куда?

– Найдут. – Адри посмотрела на растерянного Илью и пожалела его. – Здесь все знают, кто мы и где живем. Когда я шлю Оме письма, никогда не пишу адрес. Просто “Суринам, Парамарибо, Ома Ван Меерс”. Или “Суринам, Хасьенда Тимасу”. И все.

Они вышли наружу, и воздух облепил кожу липким жаром. Солнце било красным в глаза. Илья зажмурился. Это не помогло; солнце пробралось сквозь сжатые веки и начало плавить зрачки. Во рту пересохло, и хотелось пить.

Вокруг лежала широкая пыльная улица без тени. Илья ступил ближе к стене, надеясь найти тень от здания, но тени не было. Солнце стояло прямо над головой и светило без жалости и снисхождения к его белой коже. Илья почувствовал свою чуждость здесь, в этом месте, в шести градусах к северу от экватора.

Неожиданно он оказался в тени: это Ома накрыла его своим зонтиком. Он взял у нее зонт и поднял повыше, чтобы тени хватило для двоих. Они пошли рядом, держась близко друг к другу. Адри ушла вперед; она всегда очень быстро ходила, и Илья следил, как поля ее белой парижской шляпы плывут сквозь толпу.

Ома сказала Илье что-то по-голландски, и он кивнул в знак согласия. Было хорошо под зонтиком и сознавать, что скоро они вернутся в большой, устроенный дом, который все знают и который не нуждается в адресе. В этом знании были надежность и ощущение принадлежности.

Они завернули за угол, следуя за белой шляпой, и увидели Адри. Она стояла перед странным сооружением, похожим на театральную декорацию: задняя и боковые стены, сколоченные из листов фанеры, крышек ящиков и кровельного железа, заканчивались открытым пространством. Передней стены не было вовсе, словно смотришь из зрительного зала на декорации комнаты на сцене.

Внутри комнаты стояло несколько ящиков; на одном сидел старый мужчина с иссиня-черной кожей, в длинных брюках и фетровой шляпе с дырками по бокам. Больше на нем ничего не было. Мужчина курил длинную самодельную сигару. Над ним кружился рой мух.

У задней стены лежали пустые мешки, на которых спали трое голых детей. Посреди комнаты была железная бочка с прорезанным квадратным отверстием посередине. В отверстии горел огонь, на бочке стояла большая жестяная банка; в ней молодая женщина в длинном желтом платье варила еду.

Крышей – такой низкой, что женщина стояла, пригнувшись, – служили листы кровельного железа. На крышу были закинута пустые мешки, которые, понял Илья, ночью спускали вниз, отделяя жилье от улицы. На одном из мешков Илья прочел полустертую надпись: *Sucré*.

Адри о чем-то расспрашивала женщину на срэнан-тонго; та показала на детей и засмеялась. Адри говорила очень медленно, неуверенно, поправляя себя, и обрадовалась, что пришла Ома. Ома села на один из ящиков внутри комнаты, и женщина молча налила ей воды из большой зеленой бутылки в банку из-под

пепси с отрезанным верхом. Она посмотрела на Илью и что-то сказала мужчине.

Тот и сам глядел на Илью с интересом. Илья подумал, что, может, они никогда не видели белых, но решил, что это ерунда.

Неожиданно разговор изменился: оба, мужчина и женщина, стали в чем-то убеждать Ому, показывая на Илью время от времени. Женщина оставила готовку и шагнула к Илье. Теперь она была рядом, почти вплотную, и, казалось, смотрела мимо него и что-то там видела.

Старик встал и тоже подошел к Илье. Они были одного роста, хотя старик казался выше из-за шляпы. У него росла жидкая борода одного цвета с кожей. Старик был очень мускулист и совершенно не стар. От него пахло потом, давно не мытым телом и крепкими сигарами. Он тоже смотрел мимо Ильи. Потом старик повернулся к Оме и заговорил долго и протяжно, описывая руками окружности в воздухе.

Старик часто повторял одно и то же слово, которое Илья не мог разобрать: что-то похожее на нсэке.

Женщина бросилась к детям и закрыла их собой, будто пыталась защитить от Ильи. Затем она показала на Адри и сказала Оме что-то быстрое, как брошенный в окно камень.

Ома сидела спокойно, словно не могла слышать сказанных ей слов. Вдруг она резко поднялась. Старик замолчал. В наступившей тишине было слышно, как, лопаясь, булькало варево в жестяной банке на самодельной плите. Ома поставила воду на ящик и пошла к выходу. Она раскрыла зонтик и коротко позвала Адри. Та молча взяла Илью за руку и, не оглядываясь, повела его прочь.

Через несколько шагов, придя в себя, Илья обернулся, чтобы попрощаться с этой странной семьей. Он увидел, что оба, мужчина и женщина, смотрят им вслед. В вытянутой руке, отставив ее как можно дальше, женщина держала банку, из которой пила Ома. Затем она размахнулась и выбросила банку на улицу. Банка долго летела, и из нее белесым веером – белее, чем воздух, – выплескивалась вода.

Ома шла почти бегом, так что Адри и Илья еле за ней поспевали. Никто не разговаривал, хотя Илья заметил, что Адри несколько раз улыбнулась. Она все еще держала его за руку.

– Что случилось? – спросил Илья. – Я их чем-то обидел? Может, вернуться и извиниться?

Адри лишь сжала его руку.

Скоро они были у машины.

Ома села на переднее сиденье и сказала шоферу одно слово:

– Хасьенда.

– В чем все-таки дело? – продолжал спрашивать Илья. – Кто эти люди?

– Подожди. – Адри заговорила с Омой по-голландски. Она явно что-то спрашивала или просила. Ома лишь мотала головой и говорила: “Nr, niet nu”. Илья уже знал, что это значит: “Нет, не сейчас”. Наконец Ома сдалась и махнула рукой, как бы говоря: “Делай что хочешь”.

Адри повернулась к Илье. Она внимательно смотрела на него, разглядывая, словно видела в первый раз. Потом потянулась и поцеловала в губы.

– И?.. – спросил Илья. – Что это было?

– Эти люди – маруны. – Адри погладила Илью по щеке. – Они сказали, что ты нэнсеке. Оборотень.

Парамарибо 5

Илья не знал, кто такие маруны. Адри объяснила, что так в Южной Америке – от испанского *simarrones*, непокоренный, – называют бежавших с плантаций

африканских рабов и их потомков. В Суринаме в старое время наказание за побег было простым и варьировалось лишь в зависимости от настойчивости беглеца: на первый раз беглому рабу ампутировали левую руку, на второй – обе ноги. Третьего раза, как правило, не было: с ампутированными ногами бежать нелегко.

Все маруны были колдуны; это знал каждый суринамец. Они продолжали жить в мире незримого, неявного, скрытого. Они умели летать и управлять природой. Они могли убивать врагов без оружия. Их обряды оставались тайной, скрытой от чужих. Их верховный бог, Гаан Гаду, не являл себя людям; он использовал меньших богов, Куманти, для манифестации своей воли. Если шаман служил одному из Куманти, он мог становиться животным, подвластным этому божеству.

Так, прадед мистера Рутгелта, сын пойманной девочки-марунки и плантатора-португальца, был человеческим медиумом Куманти-Джебии и, когда возникала необходимость, превращался в пуму. Когда необходимости не было, он помогал отцу управлять плантацией и предпочитал светлые шляпы с лентами.

Ома собрала всю семью на Семейной террасе, как только они вернулись. Илья сидел в дальнем конце веранды отдельно. Он пил холодный домашний лимонад. Лимонад был настоящий: в нем плавала мякоть лимона. Лимонад приносили в длинном кувшине и разливали в высокие матовые стаканы с монограммами. На серебряном подносе рядом с кувшином лежали стеклянные трубочки дымчато-синего цвета; один конец у трубочек был чуть сплюснен, другой круглый. Пить полагалось из сплюсненного конца.

Разговор шел по-голландски. Сначала Адри переводила, потом перестала, и Илья сидел, бесполезно вслушиваясь в поток “х” и “г” голландской речи, заполнившей веранду.

Он знал, что Ома требовала показать его Ам Баке, который, как объяснила Адри, был семейным колдуном Рутгелтов.

Семейный колдун, сказала Адри, это как семейный врач: он “смотрит” каждого члена семьи и проводит для него обряды, что нужны лично ему. Раз в год он проводит общий обряд для всей семьи, чтобы ее не покинули здоровье,

богатство, удача. С ним советуются во время сомнений и трудностей, к нему приходят в болезни. Ам Баке был марун из племени бони, что жило вдоль границы с Французской Гвианой. Он пришел оттуда в Парамарибо, когда Ома была маленькой. Ам Баке оставался такого же возраста, как и был, только растолстел и женился.

Илья сидел и слушал чужую речь. Ему было хорошо на этой веранде. Он не очень понимал, из-за чего весь переполох и что тут обсуждать, но его никто и не спрашивал. Из темной, прохладной глубины дома вышел мастиф, который хотел лечь на свое обычное место рядом с креслом Омы, но Ома оттолкнула его босой ногой, словно это он был оборотень. Мастиф шумно вздохнул и побрел в дальний угол веранды, к Илье. Он безразлично взглянул на Илью и тяжело лег на пол из светлого камня. Неровные каменные плиты были испещрены оспинами дыр, и сквозь них было видно структуру горной породы.

Говорила Адри. Она стояла посреди террасы – высокая, тонкая, длинноногая, в коротких белых шортах; своя – и такая недоступная. Илья все еще не мог привыкнуть, что он физически владеет ее телом. Что имеет на нее право. Он подумал о тех вещах, что она делает с ним по ночам, и желание жаркой дрожью скользнуло в низ живота.

Адри – для Ильи – говорила по-английски. Она была против визита к Ам Баке. Она говорила что-то, что Илья не мог понять. Но что она не хочет, чтобы его показывали колдуну, Илья понял.

Илью удивляло, что все серьезно обеспокоены тем, что сказали никому не известные люди на рынке. Маруны они или нет, что им верить? И почему оборотень? Он решил вмешаться в беседу.

– Адри, что происходит? Вы что, серьезно думаете, что я оборотень? И в кого я обращаюсь? Ерунда какая-то.

Все посмотрели на Илью, словно он только вошел и они не понимали, кто он и откуда. Ома что-то сказала по-голландски. Ей никто не ответил.

Кэролайн повернулась к Адри:

– А он вообще что-нибудь знает про Уатта-Водун?

– Нет, – сказала Адри. – Он со своими интеллектуальными друзьями в Нью-Йорке ищет эзотерическую мудрость. А про Уатта-Водун он не знает ничего.

– Эзотерическую мудрость? – Мистер Рутгелт по-британски протяжно акцентировал слова. Он повторил: – Эзотерическую мудрость? И какого сорта?

– Папа. – Адри нашла глазами Илью и отвернулась. – Обычного сорта. Того сорта, что ищут люди, начитавшиеся разной эклектической чепухи. Тамплиеры, исторический Иисус, Грааль. Мир как иллюзия, как обещание чего-то еще.

– Чего же? – Мистер Рутгелт повернулся к Илье. – Что же, вы думаете, вас ожидает за этой дымкой иллюзии? Что там спрятано?

Он был явно заинтересован: мистер Рутгелт действительно хотел знать мнение Ильи о мире как обещании.

Илья решил принять вызов. Он не боялся; он просто хотел, чтобы Адри была на его стороне.

Илья не знал уровня информированности мистера Рутгелта о предмете и потому начал с базовых вещей.

– Так называемый реальный, видимый мир – это не все. Я совершенно уверен. Имеется куча свидетельств паранормальных явлений, которые наука не может объяснить. Вы же не будете это отрицать.

– Не буду, – согласился мистер Рутгелт. – И вам не советую. Но позволю себе процитировать Ньютона: “Ни один закон природы не может даже на мгновение перестать работать”. Например, закон гравитации: притяжение Земли не позволяет телам с определенным удельным весом подниматься в воздух и находиться там продолжительное время без внешнего воздействия. Что же происходит, например, в случае левитации? А ничего любимого вами паранормального: мы присутствуем при работе другого закона природы, который пока неизвестен науке. То есть закон гравитации остается в силе, но работает и другой закон, пока науке неизвестный. А кто-то его знает

и использует. Вот те, кто эти законы знают, и есть маги. Как если бы кто-то включил карманный фонарь во времена керосиновых ламп. И это не паранормальные, а вполне нормальные явления. Ничего паранормального вообще нет. Есть лишь то, что наука пока не узнала.

Илье стало скучно: мистер Рутгелт говорил очевидные вещи, и в этих вещах не было тайного знания. Магия Илью не интересовала. Его интересовало тайное знание, что поможет ему обрести понимание всего. Он попытался это объяснить. Все слушали молча, только Кэролайн тихо переводила для Омы.

– Вот почему, например, так важна тайна Грааля, – закончил Илья. – Тайна, которую пытались раскрыть все секретные общества на протяжении веков. А не люди, живущие на парамарибском рынке и толкующие об оборотнях.

Какое-то время все сидели молча. Свет начинал редеть по краям, и небо стало сворачиваться лиловым. Затем кто-то из Рутгелтов рассмеялся. Илья поднял голову; смеялся Руди.

– Прости, – сказал Руди. – Все, что ты говоришь, так глупо. Ты живешь в плену иудео-христианских символов, которые люди придумали сами. Они сами выдумали эти мифы и делают вид, что мифы были даны свыше и требуют разгадки. Они сами написали тексты своих священных книг и теперь пытаются разгадать тайну этих текстов. А ничего тайного и сакрального в этом нет: просто образы-символы, придуманные людьми. И все. Ты здесь ничего не разгадаешь: нечего разгадывать. И не во что верить.

– Илуша. – Он научил Адри этой форме своего имени; она любила так его звать, но ей никак не давалось мягкое “л”. – Руди прав. Ты любишь мистику, потому что она не имеет конечного решения и не требует действия. А в магии нет ничего мистического: магия – это практика, это действие, это то, как мир работает на самом деле. Особенно Уатта-Водун. Не путай, – продолжала Адри, – не путай африканскую магию с другими. Многое, что известно как магия, просто мистификация: зритель видит то, что ему внушается. Законы реальности при этом не меняются; лишь временно меняется наше видение этой реальности. Нам кажется, что белое становится черным, но оно остается белым. В Уатта-Водун, напротив, маг манипулирует не восприятием реальности, а ее тканью, ее составными элементами. Он действительно летает, действительно меняет форму, действительно исчезает. Понимаешь? Исчезает, а не становится невидимым.

– О’кей, о’кей. – Илья устал. – Я понял: исчезает. А почему ты тогда против того, чтобы меня повезли к вашему колдуну?

Ответа ждали все, не только Илья.

Адри помедлила, а потом произнесла тихо, словно для себя самой:

– Я не хочу знать, чей ты оборотень. Не хочу знать, кто еще в тебе живет.

Какое-то время все молчали.

Затем мистер Рутгелт сказал:

– Мы едем к Ам Баке. – Мистер Рутгелт остался сидеть в кресле, но произнес это так, будто он уже встал и идет к машине. – Сегодня. Сейчас.

Парамарибо 6

Бывает – не всегда, не часто даже, но случается, что проснешься, и мир вокруг целый. Не нарезанный окнами на прямоугольники внешней жизни – кусок стены напротив, чужое проживание в кадре оконных рам через колодец двора, а твой, весь твой. И небо над тобой целое, сколько хватит взгляда, и лодка несет тебя по реке, а над головой – большие, не виданные ранее птицы. Мир в такие дни целен, и хочется верить, что он такой всегда. Или должен всегда таким быть.

“Что мир, – думал Илья. – И мира-то никакого нет: одна иллюзия”. Он открыл глаза посмотреть, так ли это. Мир был все тот же – джунгли по обеим сторонам густокоричневой реки, неясной сквозь клочья белесого утреннего тумана. Мир был ранний – словно сам только проснулся.

Руди и миссис Рутгелт сидели под дальним, кормовым концом брезентового навеса и разговаривали с Ам Баке. Их речь долетала обрывками, клочковатыми, как туман. Казалось, что солнце взойдет и съест и их разговоры, и белесую мглу над рекой.

Шум мотора сглатывал слова, и Илья подумал, как все это похоже на фильмы Ромера: сидят люди и говорят, говорят, а фон в кадре сам по себе; выключи звук – и ничего не изменится.

Он вспомнил, что перед отъездом в Суринам – в другой, далекой теперь жизни десять дней назад – читал в “Нью-Йорк Таймс” статью о Ромере. Звали того вовсе не Эрик Ромер, а совсем по-другому: Морис что-то. Морис Шерер, кажется. Какая-то немецкая фамилия.

Илье стало интересно, и он начал придумывать Ромеру другую биографию. Например, Морис Шерер родился в Эльзасе и – не отвоюй в свое время французы у немцев Эльзас – жил бы в Германии вместо Франции.

Илья зажмурился от удовольствия – жизнь Ромера представала теперь во всем блеске абсурдности новых вариантов. Случись так, и Ромер мог стать не кинорежиссером-новатором, снимавшим чувственные фильмы про девичьи колени, а нацистским офицером, методичным и сентиментальным садистом, поверившим в спесь арийской крови и свою личную миссию быть частью общего муравейника Фатерланд. Дальше выходило еще интереснее: во время войны этот Ромер, то есть не тот Ромер, а новый Ромер, фашист, стоит в оккупированной немцами Франции; у него завязывается роман с местной женщиной, она рождает сына, и тот становится знаменитым французским кинорежиссером.

“Интересный сюжет”, – подумал Илья. Ему стало грустно, что жизнь все придумала по-другому.

Они плыли всю ночь, покинув Парамарибо в темноте, – так решил Ам Баке. Илья начал было спорить, что ему нужно вернуться в Хасьенду, взять с собой вещи и попрощаться с Адри, но миссис Рутгелт сказала, что ничего этого не надо. Она и Руди отправились с ним, также без вещей, без подготовки, просто в ночь, где их ждала черная река. Она осталась в большом, нелепо построенном доме Ам Баке, полном ниоткуда возникающих женщин и разного возраста детей.

Все происходящее казалось настолько нереальным, что Илья решил не сопротивляться. Вещи теперь случались сами собой, никто не готовил

следующий шаг, не обдумывал, не планировал; люди и события двигались от одного решения к другому. Илья чувствовал чужую волю, но не мог понять, откуда она исходит. Это было как ветер; а как спорить с ветром? Он просто должен перестать думать.

Ам Баке жил на юго-западе Парамарибо, в районе со странным названием Хаф Флора.

Его дом был длинным, одноэтажным и отчего-то казался плоским. Внутри дома было легко потеряться: комнаты становились коридорами, коридоры оканчивались ничем, и скоро Илья перестал ориентироваться. Он понял, что дом постоянно достраивали, без определенного начального плана, каждый раз, когда возникала необходимость в новом пространстве. Постепенно дом образовал круг, соединившись сам с собой и ограничив свой непрерывный рост. В кольце стен под навесом находилась кухня.

С Ильей к Ам Баке поехали Ома, миссис Рутгелт и Руди. Обе сестры остались дома, с отцом.

Когда они приехали, их никто не ждал. Маленькая толстая девочка с тремя короткими косичками открыла ворота и, не сказав ни слова, исчезла в темноте двора. Ома шла впереди, держа закрытый зонтик перед собой, как держат лозу, когда ищут воду.

Внутри дома им встретилось множество женщин, которые беззвучно появлялись и исчезали вдоль коридоров, ведущих в другие коридоры. Дом не хотел заканчиваться чем-то осмысленным. Он продолжался бесконечными переходами и комнатами без дверей. В некоторых комнатах оказалось неожиданно много мебели, другие стояли почти пустые, словно в них никто не жил.

Ам Баке выглядел не очень старым, не старше Омы. Он был совершенно лыс, с черным лицом, настолько черным, что Илья не мог разобрать его черты в полумраке тесной пустой комнаты, где было лишь два низких табурета.

Ам Баке сидел на полу и спал. Ома и миссис Рутгелт сели на табуреты. Руди и Илья остались стоять в коридоре: в комнате для них не было места. Ома потрогала Ам Баке зонтиком, и тот тут же открыл глаза. Он, не мигая, смотрел на Илью, пока миссис Рутгелт и Ома говорили на рокочущем и щекочущем уши срэнан-тонго, ни разу не перебив и не задав ни одного вопроса.

Когда они закончили, Ам Баке что-то коротко крикнул в заполненную чужой жизнью темноту дома, и почти сразу в коридоре появилась молодая высокая женщина. В руках она держала большую коробку из-под обуви. Ам Баке взял у нее коробку и поманил Илью войти и сесть рядом с ним на пол. Илья еле протиснулся внутрь.

Ам Баке открыл коробку и достал оттуда свернутую желтую тряпку. Он развернул тряпку, расстелив ее на полу. Внутри тряпки было множество маленьких светлых раковин и две старые монеты. Одна монета была квадратной. Ам Баке собрал раковины и монеты в горсть, потряс и бросил на тряпку. Затем он разровнял их ладонью.

В комнате не было окон, но в воздухе тонко зудели неизвестно откуда взявшиеся москиты. Ам Баке смотрел на расположение раковин и монет. Все остальные смотрели на Ам Баке. Илья пересчитал раковины на тряпке. Их оказалось тридцать две.

Ам Баке покачал головой и что-то сказал Оме. Ома закрыла рот рукой и отодвинула свой табурет к стене, подальше от Ильи. Ам Баке повторил процедуру. Он внимательно посмотрел, как легли раковины и монеты, и остался доволен. Затем он убрал несколько раковин в сторону и снова оценил положение остальных предметов на тряпке.

Илье было скучно. Он боялся, что москиты его покусают и он заболеет малярией.

Неожиданно Ам Баке хлопнул в ладоши. В комнате настала полная тишина. Илья почувствовал: что-то изменилось, что-то было теперь по-другому. Он оглядел комнату и людей; нет, все так же. Вдруг он понял: в комнате больше не зудели москиты. Они куда-то исчезли.

Ам Баке снова убрал несколько раковин в сторону и, не помедлив ни секунды, смешал остальные и собрал их в ладонь. Он потряс их, как и первые два раза,

но бросил на тряпку не сверху, а веерообразным движением. Затем он отложил еще несколько раковин и одну монету в сторону. Ам Баке долго глядел на оставшиеся раковины и квадратную монету на желтой тряпке. Затем начал говорить. По-голландски.

Ома и миссис Рутгелт внимательно слушали. Илья взглянул на Руди; тот темнел в дверном проеме, чуть склонив голову – рост не позволял ему распрямиться. Илья ожидал, что кто-нибудь переведет то, что говорилось о нем, но Рутгелты слушали, не перебивая и не задавая вопросов. Им было все ясно.

Ам Баке кончил говорить и повернулся к Илье. Он поднял свечу высоко над головой; на потолке образовался желтый круг с дрожащим язычком пламени внутри. Ам Баке смотрел мимо Ильи, как маруны на рынке, и что-то там видел. Илья чувствовал, что колдун действительно что-то видит над его левым ухом. Илья потрогал рукой свое ухо и воздух над ним; там ничего не было.

– Когда ты родился, – вдруг сказал Руди, – ты должен был умереть. Ты родился очень больной и должен был умереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/radzinskiy_oleg/surinam

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)